

Хроники Террана

Евгения Витушко

ДРАКОНИЙ ОБОРОТЕНЬ

Annotation

Однажды в Ворожейную ночь юная элдарская принцесса решила погадать на судьбу перед волшебным Зеркалом Оракула. Вот только образ, увиденный ею в Зеркале, оказался довольно неожиданным, да и исполняться предсказанное будущее начало тоже весьма странным способом, в результате чего в жизни принцессы появляются драконы и оборотни, сражения и побег, дальние странствия и множество приключений... Куда же в конце концов приведет ее судьба, и к каким последствиям вообще может привести невинное гадание в тихую Ворожейную Ночь?

Евгения Витушко

Драконий оборотень

Ночь выдалась дивная. Тишина, покой, звезды искрятся алмазной крошкой, щедро рассыпанной по черному бархату неба. И, куда ни глянь — снег, снег, целые горы снега... Одно слово — Ворожейная Ночь! В эту ночь даже нежить — сиречь, упыри да вурдалаки — пребывает в благодушном настроении и преспокойно полеживает себе в своих логовах.

«Хороша у повара вишневая наливка!» — умиротворенно думал Авдей, неторопливо шагая в сторону конюшен. Надо было проверить кое-что, сторожа навестить, а заодно поглядеть, чем там занимается младший конюший, которому было нынче поручено тщательно вычистить стойла господских лошадок. Несколько неуклюже переваливаясь из стороны в сторону по сугробам, старший конюх добрел до сторожки и заглянул в оконце. Сторож Казмир безмятежно спал, притулившись спиной к деревянной стенке и чудом удерживая равновесие на колченогом стуле. Его раскатистый храп мог прекрасно распугать всех воров как минимум на версту вокруг. Ладно уж, пусть «посторожит» еще малость, усмехнулся про себя конюх и отправился дальше.

Зайдя на конюшню, Авдей медленно прошелся вдоль стойл, попутно заглядывая в каждое, по-хозяйски придирчиво оценивая качество выполнения уборки. Придаться было особо не к чему. Молодец парнишка, справный, конюх одобрительно крикнул.

Дойдя до «апартаментов» хозяйских любимцев, Авдей привычно остановился полюбоваться благородной статью заморских лошадок, за которых его господин в свое время выложил немалые деньги. Пара длинногривых эльфийских д'ариэнов отдыхала, время от времени неторопливо склоняя точеные морды к кормушке, наполненной отборным золотым овсом. Владыка Элдара купил их специально для своей жены, благородной эльфийки Рэнниэль из Фьерр-Эллинна — и уж кому-кому, а этим лошадам ни в чем отказа не было.

Авдей протянул руку и ласково похлопал белоснежного жеребца по холеному крупу. Тот слегка повернул голову и презрительно покосился на него. Мол, это что еще за вольности? Весь в хозяина, усмехнулся конюх. Такой же гордый и высокомерный.

Тихая возня и непонятный шум, раздающиеся из дальнего конца помещения, привлекли внимание Авдея. Конюх насторожился. Осторожно прокрался вглубь конюшни, предусмотрительно прихватив по дороге прислоненные к стене вилы, и добравшись до пустого стойла, заглянул внутрь.

«Справный» парнишка-конюший времени даром не терял, предпочитая молодецкому сну активное бодрствование на пару с кухаркиной дочкой. Конюх добродушно хмыкнул на разгоряченную парочку — и, с облегчением вернув вилы на место, так же тихо вернулся к выходу.

На пороге Авдей неуверенно потоптался. Спать идти не хотелось, возвращаться в душное тепло кухни тоже. Поплотнее запахнув теплый кожаный халат, он прислонился к стене. «Подышу немного свежим воздухом, а там пойду, сторожа растолкаю», — решил Авдей, глядя на бледно-желтый круг луны, похожий на кусок свежего сливочного масла.

через сугробы, проваливаясь с головой в обжигающе холодный снег, выныривать из него, отряхиваясь и отплевываясь, и снова бежать, бежать... Лапы онемели от холода, внутренности свела болезненная судорога. Из саднящего горла вырвался хриплый, тоскливый вой. Странное, повелительное чувство, пришедшее извне, заставляло ее бежать — бежать туда, где...

Тварь издалека почуяла это — запах человеческого жилья. Потянув носом, она быстро определила направление — и, внезапно вся преобразившись, стремительно и плавно понеслась вперед, черной неуловимой тенью стелясь над сугробами. Жадно и нетерпеливо поскуливая, она мчалась вперед, нервно вздрагивая от предвкушения. Там, она знала, находится то, ради чего она вылезла из своей берлоги в тихую Ворожейную ночь — то, ради чего ее вырвал из сна этот дикий, мучительный голод, пришедший неизвестно откуда...

* * *

В комнате было нечем дышать от дыма ароматических свечей, которыми Ортисса, по своему обыкновению, заставила все пригодные и непригодные для этого поверхности. Сама провидица сидела за столом в центре комнаты, кутаясь в тонкую, богато расшитую шаль эльфийского шелка, лично подаренную ей Владычицей Элдара. Потрескивание безбожно чадающих фитильков сплеталось с тихим девичьим смехом, мелким бисером рассыпающимся по комнате.

Мы, трое, сидели у стола. Остальные девушки — дворовые служанки, горничные, судомойки — сбились по углам в перешептывающиеся и хихикающие стайки, терпеливо дожидаясь своей очереди.

— Нет. Абсолютно ничего не вижу! — Я как можно беспечнее пожала плечами, стараясь ничем не выдать охватившей меня чувства неловкости.

— Ладно, ладно... — Ортисса задумчиво провела ладонью над Зеркалом Оракула, и его поверхность снова погрузилась во тьму. — Давай попробуем еще раз. Может... хм, несколько изменишь формулировку?

Солар сбоку от меня издала тихий, но отчетливый смешок. Я привычно проигнорировала ее, твердо решив, что уж если погибать, так с гордо поднятой головой.

— Отлично. Покажи мне, Зеркало, человека, за которого я выйду замуж.

Слово «молодого» я в этот раз опустила, уступая пожеланию Ортиссы. Может быть, мой суженый давно покинул сей привлекательный возраст, и в этом все дело? Мне-то, в мои шестнадцать, любой мужчина старше двадцати пяти казался глубоким стариком, однако Владыка Элдара, наш отец, вряд ли стал бы принимать во внимание такие мелочи, устраивая мою судьбу.

Поверхность Зеркала, заключенная в потемневшую от времени деревянную раму, слегка просветлев, упорно клубилась непроглядным туманом. На мгновение мне даже показалось, будто клубы марева в его глубине явственно складываются в глумливую ухмылку.

Стиснув зубы, я мельком покосилась на старшую сестру.

Солар на меня не смотрела. Она сидела, небрежно откинувшись на спинку стула и сложив ухоженные руки на груди, и, казалось, не принимала во всем происходящем ни малейшего участия. Ее губы изгибались в изящной полуудивленной-полуснисходительной улыбке, адресованной сразу всем и никому, а глаза без особого интереса вглядывались в

туманную глубину зеркала. В этом году она негадала. Зачем? Владыка уже выбрал для нее мужа, и не станет менять решение из-за какого-то там «пророчества».

И все же она пришла, чтобы посмотреть, как буду гадать я. Уж такое она бы ни за что не пропустила — такой чудесный повод похихикать надо мной!.. В очередной раз.

Я перевела взгляд на Лиону, сидевшую по другую сторону стола и рассеянно накручивающую на палец кудрявую рыжевато-каштановую прядь. Беспечно качая ногой, она все еще продолжала с интересом заглядывать в Зеркало, словно не понимала, что обещанного зрелища не будет.

— Странно... — Ортисса задумчиво побарабанила пальцами по покрытой скатертью столешнице. — Обычно осечек не бывает, разве что...

Она едва заметно нахмурилась, замолчала и, казалось, погрузилась в размышления. Потом снова глянула на меня.

— Да ты не переживай! — Она, похоже, решила, будто я нуждаюсь в утешении. — Уж тебя-то, моя красавица, Владыка без мужа не оставит!

«Да не переживаю я!» — мысленно подавила я стон. — «Говорила б ты только потише...»

Наше затянувшееся гадание не прошло незамеченным. Я видела, как девицы-горничные из своих углов заинтересованно вытягивают шеи, пытаясь понять, что происходит. Шепот усилился. До меня долетели обрывки разговоров.

— ...никак судьбы не сложит?..

— Бесовщина какая-то...

— Тыфу, ты! Чего несешь-то? Еще и против ночи!.. — Краем глаза я заметила движение — сразу несколько рук сложились в охранные жесты. Интерес к моей персоне продолжал неуклонно возрастать.

И в этот момент Солар, наконец, надоело ждать. Она откинула за спину тяжелую золотистую косу и неторопливо выпрямилась на своем стуле. Не прикладывая ни малейших усилий, сестра мгновенно стала центром всеобщего внимания. Как, впрочем, и всегда.

— Ты, Ортисса, все осторожничаешь, ходишь вокруг да около... — Голос Солар звучал мягко и тягуче, словно мед, однако только глухой не расслышал бы в нем властных, повелительных ноток. — Вот оно и упрямится, это старое Зеркало. Сейчас я покажу тебе, как нужно с ним разговаривать.

Ортисса, занимающаяся ворожбой столько, сколько я себя помнила, и знавшая нас всех троих практически с пеленок, саркастически глянула на нее исподлобья, но промолчала. В сладкозвучном голосе моей сестры, при всей ее воздушной внешности, по мере взросления все явственнее проступал металл, и потому мало у кого из обитателей замка хватало дерзости ей перечить. Правда, старую ворожею было не так-то легко смутить. Коротко усмехнувшись, та сделала иронически-приглашающий жест в сторону старой резной рамы. Солар невозмутимо проигнорировала ее насмешливый взгляд и встала перед зеркалом.

— Смотри внимательно, милая, — снисходительно обратилась она, на этот раз, ко мне. — Я покажу тебе, как это делается. У тебя все еще слабовато выходит, я заметила.

Я мысленно возвела очи горе. Горбатого могила исправит... Она скорее позволит отрубить себе обе руки, чем упустит возможность потыкать меня носом в мои недостатки или выставить на всеобщее посмеище. Интересно, все старшие сестры такие язвы?..

Солар, между тем, уже уверенно простерла руку над клубящейся зеркальной поверхностью и, в воцарившейся тишине, повелительно заговорила:

— Заклинаю тебя, Зеркало Соа-ад-Дина, жаром огня, изменчивостью воды, чистотой серебра, силою всех частей и осколков твоих, найденных живыми, утерянных мертвыми и погребенных в песках быстротечного времени! Покажи мне судьбу сестры моей, Мирраэль Дэйнивы Элдарской — будь то человек или зверь, будь то жизнь или смерть!..

— Ваше высочество! — словно не веря собственным ушам, ошеломленно воскликнула Ортисса.

Но было поздно.

С кончиков тонких пальцев принцессы сорвались бледно-голубые искры и пробили клубящуюся туманную завесу отражения, словно молния дождевые облака. Зеркало засияло ровным голубоватым светом. На его кристально-прозрачной поверхности проступило четкое изображение — и из мерцающей глубины до нас донесся низкий рокочущий рык... А в следующее мгновение, глухо звякнув, зеркало упало на стол плашмя, опрокинутое рукой Ортиссы.

— Все! На сегодня гаданье закончено! — сердито рявкнула провидица, обводя комнату пылающим от гнева взором. — Марш отсюда все! Живо!

Не успевшие погадать девушки разочарованно зашумели, однако после недолгого колебания все же послушно потянулись к выходу. А Ортисса, тем временем, уже развернулась к моей сестре. В этот момент она была настолько зла на Солар, что казалось, еще немного — и на той задымится платье. Все напускные признаки субординации были мгновенно забыты.

— А о вас, юная госпожа, я буду говорить с вашей матушкой лично! Уж она-то разъяснит вам доходчиво, стоит ли ради забавы пользоваться такими серьезными оккультными заклинаниями!..

Воспользовавшись тем, что Солар на мгновение отвлеклась, я незаметно выскользнула из комнаты. Промчалась мимо озадаченных слуг по лестнице, на ходу натягивая прихваченную по пути шубку, и опрометью выскочила во двор. По инерции пробежала еще несколько шагов и затормозила. Постояла минуту, глубоко вдыхая резкий морозный воздух, а потом решительно зашагала прочь от замка.

Не надо было мне даже близко подходить сегодня к этому проклятому Зеркалу! И чего это я, острых ощущений захотелось? Ну и Солар, конечно, тоже большое «спасибо». Не могла не порисоваться перед публикой.

Впрочем... Может, это был просто розыгрыш? Я ведь не догадалась проверить Зеркало на предмет иллюзии. Имея в сестрах чародеек, нужно всегда быть готовой к подобным шуткам — тем более, что и сама вполне могла бы сотворить что-нибудь в том же духе. Зря, что ли, мы с сестрами вот уже три года, как изучаем чародейские науки под руководством ренвинского профессора! Отец, конечно, до сих пор не испытывает особого восторга по этому поводу, но мать в этом вопросе была непреклонна — дочери-полукровки должны обучиться магии и получить дипломы чародеек, как это и пристало благородным эльфийским девицам. Под ее уговорами отец, более желавший видеть нас воспитанными по человеческим законам — и коротающими дни за музицированием и рукоделием — в конце концов был вынужден уступить.

Правда, отправить нас в Коббе-Ренвин — имперский Магический Университет — он наотрез отказался, но зато пригласил оттуда преподавателя к нам, в Элдар. Так что, пусть и не на уровне стационарного обучения, но кое-что мы тоже умели. И, само собой, у каждой были свои пристрастия. Лиона, самая младшая из нас, предпочитала боевую магию. Она вообще была у нас самой боевой — с ранних лет увлекалась оружием. Ей бы мальчишкой

родиться. Мое сердце было отдано целительству — сказывались, наверное, материнские гены. А вот Солар увлекалась прорицательством и иллюзиями. Да-да, именно иллюзиями! Оттого, пожалуй, и не стоило мне относиться к увиденному чересчур всерьез. И все же...

Ортисса, конечно, быстро опрокинула Зеркало, но все же не достаточно, чтобы скрыть от меня то, что проявилось в его глубине. Пара внимательных серебристых глаз, не то собачьих, не то волчьих — не знаю. Одно было точно — человеку они принадлежать не могли. Зверь, определяющий мою судьбу? Что бы это могло значить? И этот странный звук — то ли тихий рык, то ли призывное урчание...

Поглощенная собственными мыслями, я и не заметила, как дошла почти до конца тисовой аллеи. И слишком поздно увидела метнувшуюся ко мне из ночного мрака тень. Как она здесь оказалась?!.. С пронзительной ясностью понимая, что уже не успеваю ни уклониться, ни защититься от нацеленных в мое горло бритвенно-острых клыков, я коротко вскрикнула... И задохнулась от боли, падая в снег под весом огромной, хрипло рычащей твари, рвущей зубами белую песцовую шубу. Длинные острые когти вонзились в мою плоть, раздирая грудную клетку в попытке добраться до сердца....

* * *

Рэнниэль срывающимся голосом завершила ритуальную фразу. Стоя у раскрытого окна, она прислушалась к тающим в ночной мгле отголоскам Зова, пристально вглядываясь в ночной мрак, словно надеясь на мгновенный ответ. Пелена из снежных хлопьев становилась все гуще, сокращая видимость практически до нуля. Тихая безветренная ночь внезапно разразилась снегопадом с перспективой на метель.

Эльфийка зябко поежилась. Старая сторожевая башня на въезде в замок давно выполняла чисто декоративную роль, а потому никто уже много лет не занимался ее благоустройством. В широкие обзорные окна, кое-как прикрытые кособокими ставнями, немилосердно дуло, и залетающий через щели снег успел покрыть каменный пол тонким мучнистым слоем. Ледяной ветер, порывами влетающий в оконный проем, все время норовил задуть костры, разведенные в углах башни. Четыре костра — по одному на каждую сторону света. Если бы можно было закрыть и это окно, стало бы теплее, но она не решалась. Ей казалось, что стоит захлопнуть ставни — и тонкая незримая нить Зова оборвется. И тогда тот, кого она так ждала, не сможет найти ее в клубящемся за окном белом кружеве метели.

«Пожалуйста, поторопись!»

Рэнниэль отвернулась от окна и подошла к бесформенной куче грязного тряпья, лежащей на полу посреди башни. Протянув руку, коснулась кончиками пальцев бесформенного мехового лоскута, нелепо торчащего среди одеял. Белый песцовый мех, покрытый обледеневшей бурой коркой засохшей крови...

Эльфийка тихо застонала от бессилия.

Ее нашли подвыпивший конюх и едва продравший глаза сторож, как раз решивший выйти поразмяться. Именно сторож и убил ту мерзкую тварь — прострелил ей голову из серебряного арбалета. Но было слишком поздно. В том, что осталось после жуткого звериного пиршества, подоспевшие родители с ужасом узнавали очертания знакомой девичьей фигурки. Сплошное кровавое месиво вместо горла и грудной клетки вперемешку с шелковыми и меховыми лоскутами. Пряди длинных пепельных локонов, перевитых

хрустальным бисером, засохли твердой грязно-бурой проволокой. Но где-то там, в глубине истерзанного тела, Рэнниэль с замиранием сердца угадала слабое, угасающее трепетание жизни.

Едва прошел первый шок, она начала действовать. Прежде всего, велела перенести тело дочери в сторожевую башню, после чего выгнала оттуда всех, включая собственного мужа, и строго-настрого запретила хоть словечком обмолвиться о происшедшем кому-нибудь в доме. Утром слуги получают хорошее вознаграждение за то, что будут держать язык за зубами. Но это будет утром, а сейчас у нее были дела поважней.

Оставшись одна, Рэнниэль развела костры, чтобы хоть немного прогреть башню, и, распахнув окно, начала нараспев читать заклинание Зова. Это заклинание она знала с юности. Он сам научил ее, заставлял повторять снова и снова, пока каждое слово не впечаталось в память намертво. На всякий случай — сказал он тогда. На всякий случай.

Рэнниэль помнила, как когда-то давно ее мать однажды воспользовалась Зовом ради ее отца, на которого напал невесть как попавший в Эльфийские Пределы вурдалак. Теперь же она зовет его ради своей дочери...

«Поторопись, прошу тебя!»

Она присела возле неподвижного тела, сосредоточенно шепча заклинания и не давая угаснуть едва тлеющей жизни. Ей оставалось только ждать...

Громкое хлопанье гигантских крыльев внезапно перекрыло шум вьюги. Длинные трехгранные когти уцепились за подоконник, высекая глубокие борозды в камне. В оконном проеме показалась узкая чешуйчатая голова, увенчанная парой изогнутых продольных роговых гребней.

Дракон повертел головой, придирчиво оглядывая помещение.

— Тесссновато...

— Прости, — Рэнниэль торопливо поднялась ему навстречу. — Ничего лучше я не придумала. По крайней мере, здесь теплее, чем на улице.

— Это уж точно! — Огромный крылатый ящер с трудом протиснулся в окно и, сложив крылья, тяжело спрыгнул на пол, волоча за собой длинный чешуйчатый хвост. — А ессси прикрыть ссстави, будет еще лучше.

— Да, конечно, — Рэнниэль поспешно захлопнула окно.

— Ну и метель — не видно ни зги! Ну-ка, что у нас тут?.. — Дракон, с интересом осмотревшись, заметил кучу на полу. — Так-ссс... Кому-то сснова понадобилассь донорсская помощь? А я-то думал, ты просссто по мне соссскучилась!

В гулком голосе ящера слышалась легкая насмешка.

— Грей! — Рэнниэль почувствовала, как вдруг охрип ее голос. — Грей, это... моя дочь.

Дракон на мгновение замер, потом оглянулся на нее с внезапной серьезностью — и снова посмотрел на тряпичную кучу.

— Дочь?.. Что ж, тогда к делу, Рэн. Не мешшшжай!

Разыгравшаяся к полуночи метель постепенно шла на убыль. Свернувшийся на полу дракон приподнял голову и осторожно заглянул в грудку тряпья. Похоже, все прошло успешно. Это хорошо... Девочка была еще слишком молода, чтобы умирать. Тем более, дочь Рэнниэль.

— Рэн, а что ты вообще делаешшшь в этой дыре?

Эльфийка усмехнулась.

— Живу.

— Шутитишшь!

— Нет... Я замужем за Ольрихом Элдарским, здешним правителем.

— Да броссь!

— Грей! Ты, вообще, хоть иногда следишь за новостями? Я ведь отсылала тебе приглашение на свадьбу! Было, кстати, очень мило с твоей стороны его полностью проигнорировать.

— А-а... Знаешшь, как это бывает? Дела, дела... — В голосе ящера скользнуло некоторое смущение. — К тому же, я не любитель вссех этих шумных пирушек.

— Знаю. Иначе уже давно потребовала бы твою голову на блюде за такое отношение к друзьям.

Дракон шумно вздохнул и прикрыл веками огромные желтые глаза. Однако почти сразу же снова резко вскинул голову и сердито встопорщил головные гребни. От раздосадованного выдоха вокруг ноздрей завихрились маленькие огненные смерчи.

— Драконий хвоссст и когти василиссска!..

Рэнниэль удивленно вскинула брови. В исполнении дракона подобное ругательство звучало... ну по меньшей мере странно.

— В чем дело, Грей?

— Рэн! Ты замужем за человеком!

— Да. Я же только что это сказала... — терпеливо повторила она. — Иначе что бы я, по-твоему, делала «в этой дыре»? Обычный Брак Договора. А что тебя так шокирует?

Дракон снова шумно и выразительно вздохнул и закатил глаза.

— Рэн, я понимаю, что ты сейчасс не в том соссстоянии, чтобы мыслить ясно, но чему-то же и тебя в ссвое время учили в шшколе! Есссли мать — эльф, а отец — человек, то кем тогда будет ребенок?.. Подумай хорошшенько.

— Ну полукровкой, если ты об этом.

— Да, да, об этом! — дракон нетерпеливо кивнул. — Полукровкой! Полуэльфом-получеловеком. Ты сследишь за моей мыссслью?.. А теперь добавь-ка к этому еще и кровь дракона!

Несколько мгновений эльфийка недоуменно смотрела на него. Затем ее зрачки расширились в озарении и внезапном понимании.

— О... Так ты имеешшь в виду...

— Именно! — с мрачной язвительностью отозвался дракон. — И ты все еще сссчитаешшь, что дейссствительно *помогла* ей?..

Ночь перевалила на последнюю четверть. Грей еще раз заглянул в груды тряпья. Девушка безмятежно спала, целая и невредимая, словно ничего и не случилось. О недавней трагедии напоминала только разодранная в клочья окровавленная одежда.

— Твоя дочь... Такая взроссслая! Сссколько же мы с тобой не виделись?

— Лет двадцать, — Рэнниэль улыбнулась. — У людей время, кажется, течет быстрее.

— Да уж... — Дракон недолго помолчал. — Ну что? Не жалеешшь?

Рэнниэль поняла, что он спрашивает вовсе не о жизни среди людей. Снова посмотрела на спящую девушку и уверенно покачала головой.

— Нет. Даже если бы я вовремя сообразила, все равно поступила бы так же.

Некоторое время они молча прислушивались к шуму ветра за стенами башни.

— Эх, ладно... Мне пора, — Грейдеринг поднялся и с хрустом потянулся. — Метель

ссстихла. Не хочу пугать твоих подданных понапрасну. Дружба ссс драконами, знаешь, может повредить репутации.

— Чьей? — с иронией поинтересовалась Рэнниэль.

Уже взгромоздившись на подоконник и наполовину расправив крылья, дракон замешкался.

— Ты хоть представляешь ссебе, *что* мы наделали? — Янтарно-желтые глаза смотрели на эльфийку выжидательно и пытливо. — Догадываешься, к каким поссследствиям это может привессти? И чем чревато все это, прежде всего, для *нее*? — Грей выразительно кивнул на грудю тряпья. — Чую я, что теперь тебе нужно быть готовой к любым ссюрпризам...

— Ни ты, ни я не знаем этого наверняка, — Рэнниэль рассеянно теребила край одеяла. — Может статься, все обойдется. В любом случае, пока смогу, я буду защищать ее, а там... Поживем — увидим.

Какое-то время дракон молча смотрел на нее. В глубине огромных золотисто-желтых глаз вспыхивали и гасли переливчатые янтарные искры.

— Знаешь, почему я вссегда откликаюсссь на Зов твоего рода?

Эльфийка, немного поколебавшись, отрицательно покачала головой. Грей оскалил в усмешке крупные трехгранные клыки:

— Потому, что ссс вами не соскучишьссся.

И, взмахнув крыльями, стремительно взмыл в ночное небо.

Глава 1. Умертвие

Ветер швырнул новую пригоршню градин в ставни. Грохнуло, как от выстрела над ухом. Я подскочила на кровати и еще глубже зарылась головой в подушку, попутно высказывая все когда-либо слышанные мною ругательства в адрес богов или бесов, ответственных за местные климатические условия. Разве это весна? Разве это траводар-месяц?! Может, я не только от жизни отстала, но и календарем пользоваться разучилась?

Еще один картонный залп в окно. Нет, все-таки подушка не дает ожидаемого эффекта. Я обреченно застонала. Похоже, поспать сегодня так и не удастся. Встала с постели, не глядя, засунула ноги в тапочки, и направилась к книжному шкафу. Проходя мимо камина, мельком глянула на едва тлеющие угли. Пламя вспыхнуло с новой силой, весело заплясав на поленьях.

Возле шкафа я остановилась. Та-ак, что у нас тут?.. «История Элдара», «География Террана», «Экономический справочник стран восточного побережья», «Атлас торговых путей Империи Палесм»... Мама дорогая! Кто же мне на этот раз литературу подбирал?! Впечатление такое, будто с полок все гребли, не глядя. Или только впечатление? Сейчас проверим... Еще раз пробежалась глазами по корешкам книг и хмыкнула, в очередной раз убеждаясь в собственной правоте. Как обычно, ни одной книги по магии. Я вздохнула. Ну ладно, нельзя по магии. Но неужели так сложно снабдить девушку нормальной художественной литературой?

Я вслепую пошарила на полке рукой. Ага, что-то есть. Пальцы наткнулись на засаленный переплет. Вытащила книгу, рассмотрела на свет. «Рыцарский роман». Судя по степени липкости и захватанности обложки, читали ее не только рыцари, но и их оруженосцы, конюхи, лакеи и кухарки... причем, не моя и не вытирая рук после работы.

Я вздохнула, устроилась поудобнее в кресле у камина и углубилась в чтение.

* * *

Мать мне все рассказала на следующее утро. Поверить в ее рассказ было трудно, а не поверить — еще труднее. Особенно после того, как я начала меняться.

Впервые это произошло спустя, примерно, две недели после тех памятных событий. Я проснулась посреди ночи от кошмара, в котором меня снова и снова терзала ужасная черная тварь. Тело покрылось липкой противной пленкой испарины, дыхание вырывалось из груди быстрыми рваными толчками. Плюс, непонятно откуда взялась ноющая, ревматическая боль в ногах. Продержавшись минут пять, ломота в костях прошла, но спать уже совершенно расхотелось. Зато очень захотелось пить. Я встала с кровати и босиком прошлепала к туалетному столику, где белел в темноте расписной фарфоровый кувшин с водой.

Цок, цок, цок...

Это что? Какой-то зверь? Может, крыса?? У меня в спальне?!!

Я торопливо зажгла световой импульс у себя над головой и огляделась. Никого... Да и крыса для такого звука должна быть, по меньшей мере, размером с собаку!

Цок, цок...

Сориентировавшись, наконец, на звук, я опустила глаза вниз... для того, чтобы увидеть вместо собственных ступней пару серых чешуйчатых лап, заканчивающихся длинными

острыми когтями.

Моего пронзительного переливчатого визга не слышали, наверное, только глухие привидения в самых глубоких подземельях замка. Все остальные его обитатели уже через пару минут толпились под дверями моей спальни. Мать провела немало времени, убеждая меня вылезти из узкой щели между гардеробом и стеной, куда я забилась с перепугу. Отец, не говоря ни слова, просто стоял рядом и мрачно наблюдал за ее попытками.

— Ну а ты-то что молчишь? — промаявшись со мной с четверть часа, мать раздраженно повернулась к нему. — Видишь, она не хочет вылезать, скажи же что-нибудь!

— И что же ты хочешь от меня услышать? — холодно поинтересовался Владыка.

— Сам придумай, — она раздраженно откинула волосы со лба. — В конце концов, она и твоя дочь тоже.

— Не уверен.

— Что? — ее рука замерла в воздухе, так и не дойдя до лица.

— Я сказал, что не уверен, — повторил отец, твердо встретив ее взгляд. — Это — не моя дочь. Моя дочь умерла, я сам видел ее мертвой. А кто или что *это*... — он, не глядя, кивнул в мою сторону. — Я не знаю.

И, не дав нам обеим опомниться, резко развернулся и вышел прочь из комнаты. Некоторое время мы продолжали молча смотреть ему вслед, потом мать произнесла несколько слов по-эльфийски — из тех, которые обычно не включают в лингвистические словари — и снова повернулась ко мне.

— Не обращай внимания, дорогая. Он вовсе не думает того, что сказал.

Я промолчала, ошарашено глядя на захлопнувшуюся за отцом дверь.

Что ж, теперь мне становилось понятно, почему в последнее время наши встречи с ним стали так редки. Дело было не в большом количестве дел, как я думала. Он намеренно избегал встреч со мной, не желая общаться с ожившей покойницей... Словно угадав мои мысли, мама ободряюще потрепала меня по руке.

— Не обращай внимания, — повторила она. — В конце концов, твой отец — всего лишь человек. Со временем все наладится.

От сидения в неудобной позе спина затекла немилосердно. Я даже и не заметила, когда мои ноги успели снова принять свой нормальный вид.

— Ну да, конечно... — хмуро пробормотала я, вылезая, в конце концов, из своего убежища. — Он-то человек... А я кто?

Как оказалось впоследствии, это была лишь первая веха в череде превращений, которые теперь то и дело происходили со мной. Теперь я старалась как можно больше времени проводить в одиночестве, чтобы случайно не попасться никому на глаза в один из таких периодов. Однако это не помогало.

После той, первой, ночи я стала замечать вещи, на которые раньше, наверное, просто не обращала внимания. Теперь я поняла, что означали настороженные, а порой и испуганные взгляды челяди. Пару раз, случайно оглянувшись, замечала, как служанки за моей спиной истово творят охранные знаки. В замке резко возросло количество носимых серебряных украшений. Несмотря на все меры предосторожности, принятые нашей матерью, слух об «умертвии» расползлся по замку, словно чернильное пятно по воде.

Был, правда, среди всех этих перемен всего один, но положительный момент. Солар, раньше без конца цеплявшаяся ко мне по поводу и без, теперь вдруг успокоилась и даже была

со мной довольно-таки вежлива — я бы даже сказала, сочувственна. Похоже, ее не так уж сильно и пугали те перемены, которые со мной происходили. И может быть, мы даже могли бы стать с ней друзьями теперь, если бы не устоявшаяся годами привычка обходить друг друга стороной.

А вот отец совершенно перестал обращать на меня внимание. Если мы с ним случайно сталкивались в коридоре, он только сухо кивал мне. Он упорно игнорировал меня за обеденным столом. А когда был уверен, что я этого не вижу, я украдкой ловила на себе его хмурый, задумчивый взгляд.

Единственными, чье отношение ко мне не изменилось никоим образом, были наша мать и Лиона, и за это я была им бесконечно благодарна.

* * *

Какое-то время я еще ездила с матерью по окрестным деревням, продолжая осваивать сложное искусство целительства. Это был, пожалуй, единственный раздел магии, который на протяжении всех предыдущих лет обучения вызывал у меня неподдельный интерес, и мама его всячески поддерживала. Помимо приготовления зелий, она сначала поручала мне всякую мелочь — вправить вывих, заговорить больной зуб, призвать к порядку желудочные колики — потом с ее помощью я научилась лечить переломы и зализывать язвы. Мать только одобрительно улыбалась, видя мои успехи. А в последнее время она все чаще предоставляла мне самостоятельно управляться с хворами, оставляя за собой роль наблюдателя. Местные жители, привыкшие к нашим наездам, не спешили обзаводиться собственными знахарями, с обычной крестьянской хозяйственностью прикинув, что услуги добровольной целительницы-недоучки обойдутся им всяко дешевле содержания приезжего эскулапа, и охотно обращались к нам за помощью.

В тот день мы с матерью отправились в очередной рейд по селениям. После недолгого совещания нами было решено навестить Альбин — живописную деревушку верстах в семи от подножия холма, на котором расположился замок.

Месяц траводар в том году выдался необычайно жарким. Мы спустились вниз по склону, покрытому первой весенней травой. Тут и там, на холмах виднелись небольшие зеленые рощицы, издали похожие на пучки кудрявой петрушки. С задумчивым видом расхаживали по лужайкам отошавшие с зимы козы, бдительно охраняемые серьезными малолетними пастухами. Едва мы въехали на площадь, как подбежал запыхавшийся подросток лет пятнадцати с известием о том, что его невестка вот-вот родит, и поинтересовался, не изволит ли госпожа целительница на нее взглянуть.

Госпожа изволила, предварительно оставив меня на пороге аккуратного домика и не впустив внутрь. В том, что касалось акушерства, мать была непреклонна. На мои робкие протесты она коротко бросила:

— Успеешь еще, какие твои годы.

И так всегда.

Впрочем, я особо и не настаивала. Стараясь особо не вслушиваться в душераздирающие крики, доносящиеся из окна, я уселась на крыльце и принялась перебирать в своей сумке холщовые мешочки с травяными сборами — так, на всякий случай. Оторвавшись на секунду от своего занятия, я обратила внимание, что сапожник, проходивший чуть дальше по улице,

отчего-то очень странно на меня косится.

Я украдкой оглядела себя. Мало ли, может, платье наизнанку надела? Не найдя ничего крамольного, я решила, что под влиянием общей нервозности обстановки мне это просто почудилось, и вернулась к своим травкам. К сожалению, мне пришлось проторчать на этом дворе еще часа полтора. За это время я поймала на себе еще несколько настороженных взглядов, что, естественно, совершенно не прибавило мне хорошего настроения. Наконец, к моему облегчению, пронзительные вопли роженицы сменились не менее пронзительным писком новорожденного, и вскоре на пороге показалась моя мать — немного усталая, но довольная.

— Мальчик, — сообщила она, вытирая мокрые руки и подходя к лошадям. — Люблю наблюдать за появлением на свет новорожденных.

— Что ж тогда мне не разрешаешь? — скептически поинтересовалась я.

В ответ мама только рассмеялась и потрепала меня по волосам.

Следующим пунктом программы был местный староста с больным зубом. Когда мы вошли в избу, он сидел у стола посреди избы и скорбно подпирал щеку куском льда из ледника, завернутым в льняную тряпицу. При виде моей матери он было просиял, но тут же снова скривился, ухватившись за щеку пятерней. Мама лишь мельком взглянула на причину его страданий и сразу отошла, на ходу кивнув мне:

— Ну давай...

Староста, невысокий лысеющий мужичонка, неожиданно смутился, замялся и неуверенно проблеял:

— А может, эта... ваша светлость, вы сами... того, а? — он умоляюще уставился на мою мать.

— Что такое? — мама недоуменно вскинула брови.

Староста ничего не ответил, однако явственно покрылся багровыми пятнами. Мама истолковала его нервозность по-своему.

— Не волнуйтесь, любезный, — она ободряюще улыбнулась больному. — У моей дочери обширнейший опыт лечения больных зубов.

— Приступай, — повторила она мне, присаживаясь по другую сторону стола и приготовившись, по обыкновению, наблюдать за моими действиями.

Староста еще немного поколебался, но смирился с неизбежным и с обреченным видом широко раззявил рот.

Я заглянула внутрь.

— Ого, да тут дупло! И большое... Болит, наверное?

Староста утвердительно и жалобно замычал.

— Ну так обезболить его, — распорядилась мать.

Я сосредоточилась, восстанавливая в памяти стандартную формулу обезболивания, но, внезапно передумав, остановилась. Нет, пожалуй, сделаю лучше — сначала обезболю, а потом заращу дупло. На ходу меняя плетение заклинания — а точнее, вплетая одно в другое — я слегка прикрыла глаза и мысленно коснулась больного зуба. Староста вздрогнул. Я завершила формулу и посмотрела на результат. Потом бросила на мать растерянный взгляд и снова посмотрела.

Видя мое замешательство, мама поднялась со своего места и тоже заглянула старосте в рот.

— Ого! — после короткой паузы несколько задумчиво протянула она.

Староста, не понимающий, естественно, о чем речь, в панике закатил глаза. Мы стояли над ним, неподвижные как две статуи, изучая результат моих трудов. Зуб, подвергшийся лечению, выделялся среди остальных, обломанных и пожелтевших от времени, словно золотой гривенник среди медяков. Видя, что старосту вот-вот от ужаса разобьет паралич, мама решила-таки разъяснить ему ситуацию.

— Ну поздравляю, любезный, — проговорила она, еще раз удивленно качнув головой и отходя от стола. — У вас теперь совершенно новый, молодой и здоровый зуб.

— Как ты это сделала? — спросила она после того, как мы вышли на крыльцо. — Ты ведь, можно сказать, вернула его зубу первозданный вид! Хотя, сильно сомневаюсь, чтобы его зубы когда-либо были в таком прекрасном состоянии... Неужели стандартные заклинания на такое способны?

Солнце к этому времени достигло зенита. Наши лошади, неосмотрительно привязанные нами к вкопанному посреди двора столбу, уже отчаялись добраться до спасительной тени и теперь обреченно жарились на солнцепеке. Я подошла к своей Искре и, извиняясь, легонько похлопала ее по морде. Ответом мне был взгляд, полный немой укоризны.

— Хотела бы я знать... — рассеянно пробормотала я.

Подобного эффекта не ожидал никто, включая старосту. Только последнего, в отличие от нас, полученный результат ничуть не вдохновил. Он то краснел, то бледнел, то покрывался пятнами, осыпая нас не вполне искренними, на мой взгляд, благодарностями — и, похоже, был бесконечно рад, когда мы, наконец, убрались из его дома. Все это произвело на меня довольно нехорошее впечатление. А если добавить к этому еще и замеченные мною ранее косые взгляды... Было такое впечатление, будто он ожидал, что взамен зуба я потребую себе его бессмертную душу.

— По-моему, они знают.

— Что? — Судя по рассеянному взгляду, мать все еще была под впечатлением проделанного мной стоматологического трюка. — Ты о чем?

— По-моему, они знают, что со мной не все в порядке, — повторила я.

— Чепуха! — отмахнулась она. — Откуда им знать? Они — здесь, мы — в замке... И потом, что значит «не все в порядке»? Ты совершенно нормальная девушка — и, при том, необычайно одаренная!

Я только вздохнула. Что толку твердить ей, что шила в мешке не утаишь! Если мама вбила себе что-нибудь в голову, переубедить ее не представлялось возможным. Вот и сейчас, она была твердо уверена, что со мной все нормально, несмотря на повторяющиеся время от времени трансформации, и все мои попытки убедить ее в обратном не приносили результата. Ее главным контраргументом каждый раз было: «Ты ведь жива и здорова? Значит, все в порядке!»

Пытаясь загладить свою вину перед лошадьми, мы отвели их к крытой коновязи возле трактира, расположенного на главной площади. Там мы обеспечили их водой, кормом и прохладой, а сами устроились за столиком под соломенным навесом с кружками прохладного светлого пива.

— Почему ты перестала брать с собой по деревням Солар? — спросила я.

Мама пожала плечами.

— Она сама не хочет, не заставляй же ее? Лечение людей — дело добровольное. Хотя меня ее поведение некоторым образом удивляет, ведь целительство дается ей весьма легко.

Тут вы с ней практически на равных... Хотя ты, безусловно, сильнее.

— Ну хоть в чем-то... — я добродушно усмехнулась, пригубивая терпкий золотистый напиток.

Солар никогда не уделяла учебе много времени. Большинство предметов давалось ей без труда (в отличие от нас с Лионой), остальными же она попросту пренебрегала, ограничиваясь лишь теми дисциплинами, которые ей особенно нравились и умудрившись довести владение ими до совершенства. Кроме того, она более охотно занималась рукоделием, музыкой — которых мы с Лионой всячески избегали — и, разумеется, собственной внешностью. Этой наукой она тоже овладела в высшей степени.

Рассеянно изучая дно бокала сквозь прозрачную янтарную жидкость, я усмехнулась своим мыслям, покачала головой и продолжила размышлять о Солар.

Что греха таить, втайне я немного завидовала ее талантам, силе и поистине эльфийской красоте — длинным золотистым локонам, янтарным глазам и сияющей белоснежной коже. Ведь даже имя ее, Соларэль, означало «солнце». Благодаря подобной красоте, найти жениха для нее Владыке не составило труда, хотя ни мне, ни Лионе она упорно не говорила, кто этот счастливчик. Лиона же, в свою очередь, на полном серьезе утверждала, что Солар и сама этого не знает — и что, скорее всего, это будет кто-нибудь сказочно богатый и столь же сказочно уродливый. Честно говоря, лично я не удивилась бы, если б Солар стала когда-нибудь украшением королевского дворца при каком-нибудь могущественном монархе — например, в той же империи Палесм или в Руане. Титул королевы ей бы очень подошел.

Нам же с Лионой от матери достались лишь тонкокостное сложение да миндалевидный разрез глаз — остальное было куда более человеческим. Нет, нельзя сказать, чтобы я считала себя уродиной. В принципе, если не ждать слишком многого, я тоже была довольно-таки ничего — чистая гладкая кожа, серые глаза, пепельные волосы. Но... Рядом с Солар любая другая выглядела просто невзрачной мышью. Может потому мне и было так приятно услышать от матери, что существует нечто, в чем я все-таки превосхожу сестру.

— Ну эльфийская кровь в ней весьма сильна, а потому и магия дается ей без труда... — говорила, между тем, мать. Похоже, ее мысли текли где-то недалеко от моих. — Единственное, что меня беспокоит, так это то, что, будучи более эльфийкой, чем вы с Лионой, Солар больше подвержена человеческим страстям.

— И что из того? — удивилась я. — Разве это плохо?

— Как знать, — задумчиво обронила мать. — Как знать... Страсти бывают разные. Тщеславие или зависть никому не станут добрыми помощниками.

— Зависть? — я удивленно пожала плечами, отставляя кружку. — Уж что-что, а завидовать ей в Элдаре точно некому!

Разомлевшие от полуденной жары, мы решили на сегодня завершить наши труды и вернуться в замок.

По дороге к конюшне, я заметила, что все большее количество народа обращает на меня внимание. Было ли это как-то связано с тем, что пару раз я натыкалась взглядом то тут, то там на физиономию свежеисцеленного старосты, с жаром что-то рассказывающего мрачно внимающим слушателям и время от времени выразительно закатывающего глаза? Мне показалось, или толпа на площади действительно стала значительно плотнее? Большинство адресованных мне взглядов были настороженными и угрюмыми, а некоторые выражали откровенную неприязнь. За своей спиной я услышала сказанные намеренно громким шепотом слова «умертвие» и «нечисть». С каждой секундой я начинала чувствовать себя на

людной улице все более и более неуютно. Отвязав Искру, я поторопилась сесть в седло и осторожным шагом направила ее на дорогу, ведущую к замку.

Мы уже почти выехали с площади, когда прилетевший невесть откуда камень с силой ударил меня между лопаток. Я сдавленно охнула. От острой боли на глаза неожиданно навернулись слезы.

— Кто это сделал?! — задохнувшись от ярости, мать на ходу развернула коня и послала его прямо в гущу толпы. Толпа отшатнулась, но страха особого не выказала, продолжая глядеть хмуро и неприветливо. — Я спрашиваю, *кто это сделал?*!

Она продолжала понукать лошадь идти вперед, прямо на стоящих перед ней людей, вызывая у бедного животного только недоумение и беспокойство. Откровенно проявить непочтительность к супруге Владыки никто не посмел — люди продолжали хранить молчание, уклоняясь от копыт теснящего их рысака — но взгляды их были по-прежнему прикованы ко мне.

— Давай уедем отсюда, — попросила я маму, чувствуя себя под этими взглядами, мягко говоря, нехорошо. Оставаться здесь дольше становилось откровенно опасно.

Мать еще раз сверкнула глазами на крестьян.

— Ну ладно... вы об этом еще пожалеете! — зловеще пообещала она на прощание и направила свою лошадь следом за мной.

Домой мы ехали в молчании. Подъезжая к замку, мама придержала лошадь и обернулась ко мне.

— Отныне мы никогда не будем ездить в эту проклятую деревню! — решительно сказала она. — Пусть разбираются сами со своими болячками, неблагодарные свиньи... — и добавила к этому несколько слов по-эльфийски.

Я невольно усмехнулась. Вот каждый раз убеждаюсь, что не только в целительстве, но и по части нецензурной брани эльфы тоже большие мастера. Глядя на ее сердито сдвинутые брови, я живо представила себе, как в данный момент она уже придумывает способ наказать зарвавшуюся чернь со всей присущей ей фантазией. Было видно, что она так же расстроена, как и я. Нет, пожалуй, даже сильнее — подсознательно я давно была внутренне готова к чему-то подобному, хотя физической расправы как-то не предполагала... Но было бы и впрямь глупо ожидать, что нечто, о чем судачит в замке каждый, у кого есть язык, никогда не выйдет за замковые стены. Как и глупо было бы ожидать от крестьян иной реакции.

Это была, пожалуй, одна из основных особенностей Элдара. Маленькое аграрное королевство, расположенное в самом сердце человеческих территорий, было отрезано от всего остального мира огромным пространством, заполненным исключительно знакомыми и понятными *человеческими* понятиями и вещами. Уверена, ни одному из коренных элдарцев ни разу в жизни не доводилось общаться с кем-нибудь из представителей Старших рас. Стоило ли тогда говорить, какое впечатление на них должно производить существо, вообще не поддающееся никакой классификации? И если мой собственный отец с каждым днем относился ко мне все прохладнее и прохладнее, то как я могла ожидать понимания и сочувствия со стороны совершенно посторонних людей? Их представление об окружающем мире были всего лишь букетом из суеверий, одно страшнее другого, полученным ими в наследство от своих родителей. В их глазах я была теперь нечистью — вроде той, что ворует детей из кроватей или раскапывает могилы на кладбище безлунными ночами. И, как всякую нечисть, меня теперь следовало избегать, а еще лучше — уничтожить.

Мне пришло в голову, что если я буду продолжать свои поездки по селениям, то скоро

для нашей целительской деятельности будет катастрофически не хватать времени за бесконечной чередой избиений «умертвия» и наказаний провинившихся. Я рассеянно скользнула взглядом по линии горизонта и, поколебавшись, сказала-таки то, над чем думала всю дорогу до дома.

— Извини, мама, но я думаю, мы больше никуда не будем ездить. Я никуда не буду ездить... Так будет лучше для всех.

На лице матери отразилась растерянность.

— Но... Мирра! — она явно не ожидала от меня подобного малодушия. — Это же всего лишь единичный случай, досадный инцидент! Виновные будут наказаны...

Я упрямо покачала головой.

— Ты же знаешь, мама, у слухов длинные ноги. Я не хочу, чтобы завтра, в другой деревне, такой же камень угодил мне не в спину, а в голову. Прости, но — нет.

Мать посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Думаю, она не поверила в мою внезапную трусость, однако, недовольно поджав губы, лишь коротко бросила:

— Что ж, поступай как знаешь.

Я спокойно кивнула.

— И еще... — Мне хотелось закончить обсуждение этой темы до того, как мы вернемся в замок. — Не надо никого наказывать. Ладно?

В ответ мама лишь молча пожала плечами и, ударив каблуками, послала лошадь вперед. Я последовала за ней.

На этом моя карьера целительницы была окончена.

Глава 2. Пленница

Снаружи громко лязгнул засов, и тяжелая дубовая дверь пронзительно и протяжно закрипела, проворачиваясь на давным-давно не смазываемых петлях. Я рассеянно подняла голову от книги, все еще пребывая во власти лихо закрученного сюжета «Рыцарского романа», и попыталась рассмотреть нежданного посетителя. Но, как ни странно, никого не увидела.

Когда дверь, наконец, распахнулась достаточно широко, на пороге показался здоровенный детина, косая сажень в плечах, неуверенно переминающийся с ноги на ногу. В руках парень мямл и теребил и без того выдавшую виды шапку, видимо, не зная, как приступить к такому непростому и опасному делу, как разговор со мной. Я молча наблюдала за его мучениями, совершенно не собираясь облегчать ему задачу.

Пауза ощутимо затягивалась. Я уж было решила вернуться к прерванному чтению, когда бедолага, наконец, запинаясь, выдал из себя:

— Я, это... По делу, значит. Владыка велели передать, что поговорить с вами желают.

Я по-прежнему молча смотрела на него, ожидая продолжения, но, судя по всему, на этом текст послания заканчивался. Тем не менее, детина не уходил, продолжая неловко маячить в дверях. Его безмолвное присутствие начинало меня раздражать.

— Ну так где же он, Владыка-то?

— Так они... того... желают, чтобы вы спустились вниз, — парень сделал неуклюжий приглашающий жест, долженствовавший означать, по-видимому, что спуститься я должна в его сопровождении.

Сказать, что я удивилась, значило не сказать ничего. Учитывая, сколько времени прошло с тех пор, как мне было дозволено в последний раз переступить порог этой комнаты, я была ошеломлена, озадачена и заинтригована. Что такого могло случиться, что Владыка счел возможным позволить мне покинуть башню, да еще и пожелал лично вести со мной беседу?

Не тратя времени на бесполезные догадки, я отложила книгу в сторону, и, вылезая из уютного, нагретого кресла, кивнула сопровождающему.

— Идем.

Мы спустились вниз по крутой винтовой лестнице, которой в последнее время пользовались все реже и реже. Кое-где ступеньки сильно расшатались, и мой спутник был вынужден помогать мне их преодолеть. Поначалу с опаской подавая мне руку, словно ожидая, что я ее сейчас откушу, со временем парень осмелел — и, скоро уже, не задумываясь, поддерживал меня под локоток на очередных особо шатких ступенях.

Пройдя через неухоженный крытый переход, ведущий к башне, мы оказались на первом этаже жилой части замка. Здесь почти ничего не изменилось. Слуги сновали туда-сюда, с противоположного конца коридора — оттуда, где располагалась кухня — доносились громкие голоса стряпух и звон кастрюль. Неподалеку от нас, с удобством устроившись на широком подоконнике, две молоденькие горничные самозабвенно обменивались свежими сплетнями. Заметив нас, они резко замолчали и уставились на меня во все глаза. Глядя на их опшарашенные физиономии, я с большим трудом подавила желание завывать или зарычать в ответ — так сказать, для оправдания ожиданий. Но вовремя спохватилась, что за подобную выходку меня могут сразу же, без разговоров, водворить обратно в башню — и я так и не узнаю, что же понадобилось от меня Владыке.

Мой сопровождающий довел меня до дверей библиотеки и, почтительно поклонившись, оставил в одиночестве. Постучав для приличия, я осторожно заглянула внутрь.

— Отец? — негромко позвала я, не вполне уверенная, что такая форма обращения мне еще дозволена. Владыка поднял голову от бумаг и, бросив на меня мимолетный взгляд, рассеянно проговорил:

— Проходи, проходи...

Я бочком скользнула в приоткрытую дверь.

Раньше я частенько бывала здесь. Просиживала вечера на перекладинах вертикальной лесенки, предназначенной для доставания книг с верхних полок, перелистывая приглянувшийся роман, или пряталась за тяжелыми портьерами, в надежде, что дотошный магистр Дьордан забудет и обо мне, и о том задании, которое я, так некстати, снова забыла выполнить (что, увы, случалось довольно часто). К слову, память у престарелого чародея была ужасная, он никогда ничего не забывал и частенько наказывал меня за разгильдяйство.

Теперь же, снова оказавшись в библиотеке, я с приятным удивлением обнаружила, что здесь практически ничего не изменилось.

— Проходи, — повторил Владыка, по-прежнему не отрывая взгляда от письма, которое держал в руках.

Я приблизилась к столу.

Отец неторопливо отложил бумаги в сторону, и, наконец-то, обратил внимание на меня. Точнее, уставился — со смесью удивления и осуждения. Я попыталась представить себя со стороны — и тут же была вынуждена с ним согласиться.

Всклопоченные длинные волосы, заплетенные в небрежную косу, бледная из-за отсутствия света и свежего воздуха физиономия — и, в довершение ансамбля, наряд, состоящий из просторной льняной рубахи и таких же штанов, больше всего смахивающий на робу арестанта. Не удивительно, что горничные так на меня пялились. Обрадовавшись возможности хоть на время покинуть башню, я проделала это с такой скоростью, что даже не успела взглянуть на себя в зеркало, совершенно забыв, что в кресло с книжкой я перебралась прямым из постели.

Оторвавшись от созерцания моей живописной фигуры, Владыка забарабанил пальцами по столу, собираясь с мыслями. Молчание затягивалось.

— Эм... Как твои дела? — произнес, наконец, он, явно не зная, с чего начать разговор.

— Чудесно, — не удержалась я от сарказма. — Спасибо, что спросил.

Было даже забавно вести эдакую непринужденную беседу с человеком, продержавшим меня взаперти целых три года и до сих пор общавшимся со мной исключительно с помощью записок.

Еще одна продолжительная пауза.

— Есть одно дело... — медленно, словно подбирая слова, произнес отец. — Дело, требующее твоего участия. Вопрос... э, первостепенной важности.

Я изобразила на лице вежливый интерес. Впрочем, мне и впрямь было любопытно. Сегодняшний день, как ни крути, выпадал из череды скучных серых будней, из которых состояла моя жизнь уже долгое-долгое время.

— Сегодня Элдар посетят гости из одного очень далекого государства... — Казалось, Владыка тщательно взвешивал каждое слово, словно боялся сказать лишнего. — Прибудут во второй половине дня, ближе к вечеру. Мне бы хотелось, чтобы ты лично присутствовала при нашей встрече и постаралась произвести на них хорошее впечатление... Надеюсь, я могу на

тебя рассчитывать?

Чувствуя себя, мягко говоря, весьма удивленной, я, тем не менее, машинально кивнула. Произвести хорошее впечатление? Зачем? И кто эти гости?.. Вопросы роились в моей голове, будто пчелы в улье, и каждый норовил первым вылететь на язык. Я уже собралась задать их вслух, но отец меня опередил.

— Прекрасно! — Звучно хлопнув ладонью по столешнице, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. — Жду тебя в тронном зале через четыре часа. Ступай.

И, еще раз окинув меня внимательным взглядом, он ворчливо добавил:

— И, будь добра, приведи себя в порядок! — после чего сразу же взял в руки следующий документ, недвусмысленно давая понять, что аудиенция закончена.

Обескураженная, я вышла из библиотеки и обнаружила, что за дверью снова околачивается все тот же здоровенный детина, больше похожий на деревенского кузнеца, способного гнуть подковы одной левой, чем на ливрейного лакея. Тихонько подойдя к нему сзади, я громко поинтересовалась:

— Не меня ли ждешь?!

Парень подскочил, с удивительной для его комплекции ловкостью разворачиваясь в прыжке ко мне лицом. Хорошая реакция, невинно похлопала глазами я. Узнав во мне давешнюю знакомую, детина разочаровывающе быстро пришел в себя.

— Вас, — признался он со вздохом, свидетельствующим, что это обстоятельство его не слишком радует. — Пожалуйста за мной.

И, к моему удивлению, повел меня не обратно в башню, а направился к лестнице, ведущей наверх, в жилые комнаты замка.

— Это что же, — с любопытством спросила я, поднимаясь следом за ним по ступеням на второй этаж. — Тебя ко мне приставили в качестве прислуги?

Детина, не сбавляя шага, кивнул.

— Ага, навроде того.

— Ну и кто же ты таков? — Я едва поспевала за его широким шагом, позволяющим легко перешагивать через ступеньку.

— Кузнец я... То есть, бывший кузнец. Из Забродичей... — Похоже, заикаться от испуга он давно перестал.

Я мысленно похвалила себя за проникательность — все-таки и впрямь кузнец! На вид работнику молота и наковальни было лет двадцать-двадцать пять.

Мы пересекли холл и повернули направо. Теперь я уже начинала догадываться, куда мы идем.

— Неужели никого более подходящего в прислуги не нашлось?

Парень пожал плечами.

— Не-а, никто больше не захотел. Все боятся с умертвием связываться.

Он бросил на меня мельком извиняющийся взгляд, но я и не думала обижаться. Ничего другого я, собственно, и не ожидала, а потому с возрастающим интересом посмотрела на кузнеца.

— А ты, значит, захотел? И не боишься? Или все-таки... — я попыталась представить себе, на какие выгоды можно рассчитывать от общения с «умертвием», коим являлась я в глазах селян, но быстро сдалась.

Для кузнеца же, похоже, ответ был очевиден.

— Так ваш батюшка пообещали тому, кто вам прислуживать согласится, сотню

гривенников золотых и лошадь в придачу!

Вот теперь удивилась я.

Нет, ситуация с необходимостью дополнительной оплаты услуг, оказываемых челядью моей скромной особе, совершенно не удивляла. Нежелание прислуги общаться с нечистью уже давно не было для меня новостью. Но — сумма! Да за такие деньги любой крестьянин мог не только дом с пристройками построить, но и стадом коров обзавестись! Это надо же, как отец расщедрился...

— И что же, за такие-то деньги никто, кроме тебя, не вызвался? — Я, наконец, догнала его и остановилась, переводя дух. Тем более, что мы, похоже, пришли.

Мой спутник отрицательно покачал головой.

— Говорю же, боятся.

— Ух ты!.. — негромко пробормотала я. Даже не верилось, что страх окружающих передо мной был столь велик. Я начинала себя невольно уважать! Однако сам кузнец, глядя сверху вниз на меня, растрепанную и в мятой пижаме, едва достающую ему до плеча, явно начинал сомневаться в целесообразности подобных страхов.

— Ну а ты? — продолжала упрямо допытываться я. — Не боишься умертвию прислуживать? Вдруг я тебя... съем!

Я попыталась изобразить кровожадный оскал, но тут и дураку было ясно, что такую гору мускулистой плоти мне и за месяц не осилить. Кузнец же в ответ окинул меня внимательным взглядом, сунул большие пальцы за пояс и, глядя куда-то поверх моей головы, задумчиво сообщил:

— Прошлой зимой я на медведя-шатуна с простой рогатиной ходил. Один!

Он опустил глаза и снова оценивающе осмотрел меня с головы до ног. Пожалуй, намек был более чем прозрачен.

— Тушэ... — буркнула я, сдаваясь. И нажала на дверную ручку.

Стоя на пороге моей старой спальни, мы еще некоторое время попрепирались с кузнецом о тонкостях его полномочий. В конце концов я затворила за собой дверь, все еще негромко посмеиваясь. Кузнец, к своему неудовольствию, остался снаружи, в пятый раз повторив мне, чтобы "ежели чего", я обращалась к нему за помощью. Честно говоря, было трудновато представить его с расческой в руках, колдующего над моими волосами, или помогающего мне в выборе платья, поэтому я только от души посмеялась над его предложением.

Окинув комнату рассеянным взглядом, я мимоходом отметила, что здесь ничего не изменилось. Все вещи оставались на тех же местах, где я видела их в последний раз — даже расческа, небрежно брошенная мною на подоконнике три года назад, лежала там же. Я взяла ее в руки. На деревянной поверхности подоконника остался четкий след — внутри чисто, снаружи пыль. Я посмотрела на расческу. На ней тоже лежал толстый слой пыли.

«Комната умертвия», — с усмешкой подумала я. Хороший повод для горничных, чтобы отлынивать от уборки. Если бы мама была здесь, она бы ни за что не допустила подобного разгильдяйства.

Если бы мама была...

Но ее не было — и прислуга вытворяла, что хотела.

Скандал между родителями назревал уже давно. Конечно, они и раньше иногда ссорились, но это были, так — пустяковые перепалки, без которых, наверное, не обходится ни одна семья. Но после печально известных событий с моим участием количество ссор резко возросло — причем, тема для них теперь всегда была неизменной. Отец обвинял мать в том, что она, мол, слишком увлеклась магией и якшается со всякой нечистью. Под нечистью подразумевалась, вероятно, и я тоже. Мать в свою очередь не оставалась в долгу, обвиняя отца в бессердечии, равнодушии к дочерям, эгоизме и глупой суеверности. Иногда, слушая, как они орут друг на друга, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах, я только диву давалась — и как они, вообще, так долго прожили вместе?

Ни для кого, конечно, не являлось секретом, что мои родители не были страстно влюблены друг в друга, вступая в этот брак. Это был Брак Договора, один из десятков таких же, периодически заключающихся из дипломатических соображений по всему Террану. Подобные браки стали одним из последствий последней войны между людьми и Старшими расами и призваны были служить поддержанию мира между породнившимися народами. Каждый из народов единожды в двадцать лет должен был выбрать нескольких своих представителей и обязать их вступить в брак с кандидатами, предложенными им другими расами. Самой собой, все быстро смекнули, что для них лучше — и вскоре на данной матримониальной ниве выработалась следующая тенденция: эльфийские невесты и разношерстные женихи. В принципе, этот расклад устраивал всех — против эльфийских красавиц не возражал абсолютно никто. Ну а у эльфов отпала проблема, куда пристроить своих многочисленных высокородных принцесс, ведь Браки Договора заключались только между представителями правящих династий.

Вот под такой-то расклад и угодили в свое время оба наших родителя. Одна была типичной представительницей своего народа, то есть гордой и самостоятельной эльфийской чародейкой, а другой — человеком, прежде весьма неодобрительно относившимся не только к инокровным, но и к магии, и к прочим странностям вообще. Тем не менее, долгие годы они прожили бок о бок вполне мирно — видимо, приспособившись и терпя недостатки друг друга... Ну а теперь будто внезапно прорвало плотину, за которой сдерживалось накопленное за многие годы недовольство друг другом.

Страсти достигли апогея к середине лета, то есть примерно через полгода после начала всей этой истории. И катализатором всеобщего скандала стала неожиданная выходка Солар.

В тот день отец взял ее вместе с собой в сокровищницу, где хранилась элдарская казна, а также драгоценности, украшения и некоторые другие раритетные вещицы. Когда у него было хорошее настроение, он иногда приводил нас туда, позволяя вдоволь налюбоваться прекрасными ювелирными изделиями, а иногда даже разрешал взять что-нибудь поносить, на время. Так случилось и в этот раз. Отец был доволен Солар — что, впрочем, случалось с ней гораздо чаще, чем с нами — и по обыкновению, взял ее с собой. Солар давно присмотрела себе там одну необыкновенно красивую брошь. Я бы не удивилась, если бы узнала, что она специально была такой паинькой и угождала отцу, лишь бы только заполучить эту вещицу в свои руки — там, где дело касалось драгоценностей, Солар иногда просто теряла голову. Кроме того, этим утром в замке побывал торговец тканями, и Владыка

разрешил нам всем выбрать себе по отрезу наплатья. Мы с Лионой остановили выбор на белом зенбарийском шелке, легком и невесомом как грёза, и довольно быстро ушли со своими покупками к себе, но Солар задержалась. Уже в дверях я мельком обернулась и увидела, что она увлеченно беседует с седоволосым торговцем тканями. Вернее, говорил торговец — перебирал яркие отрезы, демонстрируя их Солар, и что-то проникновенно вещал при этом — а сестра внимала ему, как загипнотизированная...

Я усмехнулась и покачала головой. Солар была неисправима.

Позже, вернувшись с отцом из сокровищницы, она тут же заявила к нам с Лионой, чтобы продемонстрировать свою добычу, но мы обе были чересчур увлечены новой заморской игрой, привезенной нам отцом из последней отлучки. Суть игры состояла в том, чтобы двигать определенным образом резные костяные фигурки по черно-белой клетчатой доске. Правил игры мы обе толком не знали, на ходу придумывали свои, и с азартом покрикивали друг на друга, обвиняя в злостном нарушении очередного свежевывдуманного правила. Не дождавшись от нас положенной порции восторгов по поводу своей расчудесной броши, Солар в сердцах обозвала нас глупыми гусынями и ушла. Однако через какое-то время она возвратилась, тщательно пряча что-то за спиной, чем сразу же нас ужасно заинтриговала.

— Вот! — проговорила она с заговорщицкой усмешкой, отводя руку из-за спины. — Я подумала, если вас не интересуют драгоценности, то, может быть, заинтересует кое-что другое?

С этими словами она положила прямо поперек игровой доски длинный сверкающий клинок. Естественно, ни о какой игре уже не могло быть и речи.

— Ух, ты! — восхищенно выдохнула Лиона, самая большая ценительница красивого оружия среди нас. — Где ты его взяла?! — она почтительно коснулась пальцами гладкой голубоватой стали.

— Где-где... В сокровищнице, где ж еще? — небрежно пожала плечами Солар.

— Эй! Но почему отец разрешил тебе его взять?! — обиженно воскликнула Лиона. — Мне он сказал, что такие вещи выносить нельзя! — и она недовольно надула губы.

— Тсс-с... Тише ты! — торопливо шикнула на нее Солар. И, оглянувшись на дверь, она наклонилась к нам и взволнованно прошептала. — Отец ничего не знает!

Теперь уже мы обе уставились на нее с нескрываемым удивлением.

— Как же тебе удалось протащить такую орясину мимо отца незаметно?

Солар какое-то время колебалась, а потом призналась:

— Сама не знаю. Просто наваждение какое-то нашло... Когда это я раньше на оружие внимание обращала? А это — ну просто не могла мимо пройти! Взяла, к ноге прижала, в юбках запутала — и ходу!.. Нет, вы только посмотрите, какой он красивый!

Мы с Лионой согласно кивнули. Я никогда не была заправским знатоком оружия, но меч действительно производил впечатление. Длинный изящный клинок, рифленая рукоять с короткой кожаной оплеткой у перекрестья. В оголовье алым огнем горел крупный рубин чистейшей воды, ограненный в форме сердца, а вдоль всего лезвия, от рукояти до острия, по гладкой стальной поверхности плелся затейливый рунический узор. Даже непосвященному было ясно, что это не игрушка, вроде той бутафории, что любят цеплять на пояс иные вельможи — это было оружие, созданное для сильной руки и настоящего боя.

— Впечатление такое, будто символы отлили из другого металла, а потом влили их в сталь клинка, — заметила я, проводя пальцами по идеально гладкой поверхности меча.

— Мне тоже так кажется, — согласилась со мной Лиона. — Я читала о подобной технике. При создании подобных надписей применялись довольно сложные заклинания, чтобы срастить металл рун с металлом основы. Ныне секрет подобнойковки почти утрачен — слишком много времени прошло.

— Кажется, это сенсарит... — внимательно изучив руны, заметила Солар и мельком глянула на меня. — Можешь прочесть?

Я всмотрелась в переплетение символов. Манера написания была несколько непривычной, но, похоже, это и впрямь был «язык богов».

— Похоже на название меча. Наверное, его имя.

— Имя меча? — в голосе Солар слышался скепсис.

— Все волшебные и заговоренные мечи имеют собственные имена, — с видом знатока просветила сестру Лиона. — Как правило, имя характеризует предназначение оружия, а значит, дается за конкретные заслуги.

Солар с интересом посмотрела на свою находку.

— Ну и как его... хм, зовут?

— Здесь две руны. Главная — *Смерть* и подчиненная — *Дракон*. Смерть Драконам... Убийца Драконов... — предположила я без особой уверенности. — Ну или что-то в этом роде.

— Драконоборец? — высказала свою версию Лиона.

Я согласно кивнула.

— Пожалуй, можно и так назвать. Так даже поэтичнее.

Солар снова внимательно осмотрела меч.

— Вы хотите сказать, что вот этой железкой можно убить настоящего живого дракона? — скептически спросила она. — Да он дракону, как булавка! По-моему, камнем по голове и то будет эффективнее, если, конечно, камень взять поувесистее.

Лиона, с удивительной для окружающих страстью изучавшая все, что касалось боевых искусств, покачала головой.

— В любом бою главное — не размер оружия, а умение им пользоваться. Ну и плюс, конечно, чары, предположительно наложенные на клинок.

Солар осторожно взялась за рукоять и прикинула меч на руке. Помахала им медленно туда-сюда. Рубиновое сердце в рукояти кроваво сверкнуло.

— Тяжелая штука... — заметила она. — Зато камень просто великолепен!

Даже тут Солар была в своем репертуаре. Нас же с Лионой гораздо больше заинтересовала надпись на клинке.

— Может, бывший владелец меча просто хотел придать себе солидности таким образом, вот и попросил кузнеца сделать надпись? — Я не слишком-то верила в волшебные свойства меча. — За дополнительную плату?

— В таком случае это должна была быть *очень* высокая дополнительная плата, — уверенно возразила Лиона. — Раз в сорок превышающая стоимость простого клинка. Не думаю, что бы кто-нибудь взялся выполнять такую сложную работу только для того, чтобы потешить чье-то непомерное тщеславие.

Все еще не убежденная, я пожала плечами.

— Как бы то ни было, проверить мы все равно ничего не сможем. Драконов по близости не водится, а на обычных людей он, скорее всего, и действует, как обычный меч, то есть попросту шинкует в капусту. Так что, заговоренный он или нет, мы вряд ли узнаем.

— Ну почему же? — откликнулась Солар, по-прежнему держа меч в руках. Удерживая клинок вертикально, она запрокинула голову вверх, внимательно разглядывая его острие. — Почему же... — задумчиво повторила она, опуская голову и отстраненно переводя взгляд на меня.

Нехороший такой, тяжелый взгляд. На одно короткое мгновение мне даже показалось, будто кто-то чужой глянул на меня из холодных янтарных глаз, словно из распахнутых окон. Не выпуская меча, Солар медленно повернулась в мою сторону. Я, ни о чем не догадываясь, все еще продолжала спокойно наблюдать за ней.

— Драконов поблизости, может, и нет, — она холодно улыбнулась, опуская лезвие горизонтально и нацеливая его мне в грудь. — Зато драконья кровь, уж точно, имеется.

— Ты что делаешь, Солар? — внезапно настораживаясь, поинтересовалась Лиона.

Сестра недобро усмехнулась, не сводя с меня прищуренных глаз. Острие меча уже дрожало в опасной близости от моей груди, заставляя меня все сильнее нервничать.

— Просто проверяю... волшебный меч или *нет*! — И, резко выдохнув последнее слово, она неожиданно сделала выпад вперед.

Дальнейшее происходило, словно во сне, растянувшись на один долгий удар сердца. Я смотрела на клинок, приближающийся к моей груди, удивляясь, почему он движется так медленно. А потом вдруг рассердилась на Солар за эту глупую и злую шутку. Даже для нее это было чересчур! В груди запульсировала тупая ноющая боль, разрослась, растекаясь по плечам до самых кончиков пальцев. Словно издалека, я услышала, как Лиона пронзительно взвизгнула: «Солар, прекрати!». Я шагнула назад и инстинктивно выбросила руку, желая отвести удар в сторону. Моя ладонь попала по клинку плащмя, меч вырвался из рук Солар — и, со свистом описав дугу в воздухе, скрылся под столом. В ту же секунду Солар взвыла и отшатнулась прочь. В воздухе на мгновение зависла россыпь мелких рубиново-красных капель...

Это мгновенно отрезвило меня. Я отскочила назад, не заметив стоящего позади меня стула. Не удержав равновесия, грохнулась на пол, перелетев через него, и ударилась затылком о стену. В глазах на мгновение потемнело, но я ухитрилась почти сразу же сесть, приняв вертикальное положение. Лиона снова заголосила. На ее вопли уже начали сбегаться слуги, а следом за ними подоспели и отец с матерью. Картина, представшая их глазам, была, наверное, весьма впечатляющей. Лиона стояла посреди комнаты, замахиваясь непонятно на кого из нас клетчатой игровой доской. Костяные фигурки разлетелись по всей комнате. Солар с воплем и подвыванием хваталась за лицо, на котором красовалась жуткая кровоточащая рана. И я — на полу, рядом с опрокинутым стулом, со спрятанными за спину руками, чтобы скрыть втягивающиеся назад когти. И когда только успели вырасти?

Отец выслушал сначала пострадавших, то есть Солар, потом очевидцев. Двое крепких слуг по его приказу подхватили меня под руки и отволокли в башню — в пустую, захлавленную комнату на самом верху, которой давным-давно никто не пользовался. Какое-то время я сидела там в полном одиночестве, растерянная и недоумевающая, а потом появился отец. Он мрачно оглядел меня и, нахмурившись, заявил, что обстановка в замке, похоже, накалилась до предела, а посему отныне я буду жить в башне, и мне строжайше запрещается ее покидать без его на то особого разрешения.

Когда появились слуги с моими вещами, с кроватью, столом и прочей мебелью, я, наконец, осознала серьезность происходящего. Я превратилась в узницу в замке, в котором выросла с самого детства. Комнату обустроили, и даже привели в порядок камин, которым

никто не пользовался еще со времен моего прадеда. Потом слуги ушли, и я осталась одна.

Ближе к полуночи ко мне заглянула Лиона. Она проскользнула в двери, в шелковом халате поверх ночной сорочки, и присела на край кровати.

— Ну как ты? — сочувственно спросила она меня.

— Как видишь... — Я уныло обвела комнату взглядом. — Теперь, похоже, я буду жить здесь.

— Знаю, — сестра сокрушенно покачала головой, и тут же добавила: — Ты не думай, я им все рассказала, как было!

— А как было?

Если Лиона и удивилась вопросу, то виду не подавала и послушно пересказала свою версию событий. В принципе, в главных моментах с моей она совпадала. Солар набросилась на меня с мечом, я его выбила — ну и случайно при этом задела ее по лицу рукой. Точнее, лапой.

— В порядке самозащиты, конечно же, — убежденно добавила она.

Я рассеянно кивнула, думая о том, что как ни старайся, а вряд ли кто-нибудь в замке решит, что виновата Солар, а не я, дикая тварь из дикого леса. Пострадавшей-то, в конце концов, оказалась именно она. Неудивительно, что меня здесь заперли.

— Хорошо, что у тебя такая быстрая реакция, — заметила Лиона. — А то было бы в тебе сейчас на одну дыру больше... А у меня — на одну сестру меньше.

— А что с Солар? — осторожно поинтересовалась я.

Солар, как выяснилось, тоже не поздоровилось — она получила хороший нагоняй за украденный меч, после чего отец потребовал у нее вернуть назад в Сокровищницу и меч, и брошь, пообещав при этом, что ноги ее впредь там не будет. Кроме того, было решено поторопиться со свадьбой, назначенной на позднюю осень, и сыграть ее на пару месяцев раньше, не взирая на слухи, которые может породить подобная спешка. А до этого времени ей было тоже запрещено покидать свою комнату.

— Ты бы видела ее физиономию! — Лиона мстительно ухмыльнулась. — Жаль, что мама все-таки залечила ее царапины. Пусть бы жених на нее такую полюбовался.

— Что, я так сильно ее задела?

— О, да! — нашу младшую сестренку это обстоятельство, похоже, совершенно не печалило. — Здоровая такая борозда осталась! Просто атаман разбойников, а не принцесса!

Я представила себе, что сейчас думает Солар обо мне, сотворившей такое с ее прекрасным личиком. Какое счастье, что мне запрещено выходить из башни, а то она бы меня теперь обязательно прикончила.

— Пожалуйста, передай ей, что я сожалею...

— А вот и зря! Так ей и надо, — безапелляционно заявила Лиона. — Она первая начала!

Причем, абсолютно неожиданно, мысленно добавила я. Неужели все ее спокойствие до этого момента объяснялось лишь вынашиванием планов, как бы, наконец, избавиться от меня окончательно? Просто в голове не укладывается...

— А почему мама ко мне не заглянула? — сменила я тему. — Она что, на меня сердится?

— Сердится, — вздохнула Лиона. — Вот только не на тебя, а на отца.

Оказалось, что мама, возмущенная решением отца заточить меня в башню, словно преступницу, жутко с ним рассорилась и, не желая разговаривать, заперлась в своей спальне. Я представила себе возникшую ситуацию — каждый сидит под замком в своей комнате, и

никто ни с кем не разговаривает — и покачала головой. Да уж, замок, можно сказать, на чрезвычайном положении.

Мы еще немного поболтали, пока Лиона не начала отчаянно зевать.

— Шла бы ты спать, — со вздохом заметила я, в очередной раз изучая ее розовое, как у котенка, нёбо.

— Ага... — сонно пробормотала сестра, нехотя слезая с моей кровати.

Уже в дверях она обернулась и, с видимым сожалением, сказала:

— А Драконоборец-то, видать, все-таки липовый оказался. Ты как думаешь?

— Ох, Лиона... Спокойной ночи! — только и смогла ответить я.

Она ушла, а я еще долго не могла уснуть. Кое-что во всей этой истории всерьез беспокоило меня, не давая забыться сном. Я снова и снова прокручивала в голове события сегодняшнего дня, вспоминая безумную выходку Солар, собственный гнев на нее и последовавшую за этим мгновенную трансформацию... Было ли это совпадением, попыткой самозащиты, или я действительно стала опасной для окружающих? Голова моя раскалывалась от одолевавших меня вопросов. Если трансформация стала реакцией на гнев, смогу ли я контролировать себя в следующий раз? И если нет, то не лучше ли мне и впрямь оставаться в этой башне до конца своих дней?..

В какой-то момент я почти пожалела, что Солар меня не убила.

С тех пор я стала жить в башне. Не могу сказать, что там было плохо. Трижды в день мне приносили еду с королевской кухни, каждую неделю снабжали новой порцией книг из библиотеки. Время от времени, нарушая запрет Владыки, меня навещали Лиона и мать. Но, не смотря на это, башня не переставала быть для меня тюрьмой. Весь мир сузился для меня до размеров просторного каменного мешка, в котором я сидела день и ночь. Время от времени меня охватывала горькая тоска из-за того, что свои лучшие годы я должна провести в этом проклятом узилище, лишённая общества сверстников и привычных развлечений. Дни шли за днями, недели за неделями. Я училась жить в одиночестве и полностью себя обслуживать без посторонней помощи, так как слуги наотрез отказывались заходить ко мне в башню, оставляя еду у порога комнаты, когда я этого не видела. Но если научиться заплетать косу или застегивать бесчисленные крючки и пуговички на платье оказалось не так уж и сложно, то занять себя чем-то бесконечно долгими днями и вечерами — куда сложнее.

Поначалу-то я даже обрадовалась — у меня, наконец, появилось время заняться вплотную теми разделами магии, до которых раньше из-за целительской практики никак руки не доходили. Правда, радость моя длилась недолго. По непонятной причине большинство заклинаний не хотело теперь работать так, как им было предписано. То есть не то чтобы они совсем не работали — просто результат получался примерно такой же, как со старостиным зубом. Я бы сказала, что они работали *по-другому*, и... ну, немного чересчур.

Все это было достаточно неприятно. Магия, которая до этого казалась неотъемлемой частью моей жизни, неожиданно стала показывать характер и проявлять самостоятельность. Словно, протянув руку, чтобы погладить любимую кошечку, я вдруг обнаружила на ее месте незнакомую и весьма сердитую рысь. Это действовало на нервы. Я засела за книги, не переставая при этом заново учиться управлять своими способностями. Однако дальнейшее мое продвижение на стезе учения было безжалостно пресечено Владыкой, нагрянувшим ко мне в башню с визитом. Глядя на развороченную в результате не слишком удачного эксперимента несущую стену, открывающую теперь отличный вид на долину внизу (над

стенной, к тому времени, всюду трудились каменщики), он непрекращаемо запретил мне применять магию в стенах замка. А потом — я даже и не заметила, как это случилось — из моей комнаты постепенно исчезла вся литература по магии. Некоторое время я еще занималась тем, что восстанавливала заклинания по памяти — и со временем, путем проб и ошибок, доводила владение ими до совершенства. Однако вскоре я обнаружила, что во многих случаях мне теперь проще обходиться и вообще без заклинаний, попросту манипулируя потоками сырой природной энергии. Это было довольно интересно, но в моей ситуации практически так же мало радовало, как и все остальное.

Кстати, проблемы с чародейством были отнюдь не единственным интересным открытием за время моего принудительного затворничества. Я обнаружила — причем, совершенно случайно, — что могу не только сдерживать собственные трансформации, но и понемногу управлять ими. Какое-то время я развлекала на досуге Лиону, то изменяя форму конечностей, то отрачивая себе длинные трехгранные клыки вместо зубов. Потом ей это постепенно наскучило, и представления прекратились.

И, тем не менее, оставаясь в одиночестве, я время от времени продолжала настойчивые попытки сменить свой природный облик на тот, который отныне превратил меня в чудовище в глазах окружающих. Причем, с каждым разом я продвигалась в своих превращениях все дальше и дальше. Зачем? Сама не знаю. Иногда я ловила себя на мысли, что это уже стало для меня насущной необходимостью. Казалось, что без этого я просто не смогу жить. Может, так проявлялась моя вторая сущность? Не случится ли однажды так, что она полностью вытеснит меня нынешнюю — и эльфийская полукровка канет в вечность, уступив место неведомому созданию в бронированной чешуе?

Не знаю...

Я надеялась, что мне хотя бы позволят присутствовать на свадьбе Солар, но этого не случилось. Правда, уже вечером, после окончания свадебного пира, ко мне тайком пробралась Лиона и во всех подробностях расписала церемонию бракосочетания, не забыв упомянуть о том, что жених Солар достался незаслуженно симпатичный.

— Ты знаешь... — она внезапно посерьезнела. — Завтра Солар уезжает в дом своего мужа, и наша мама едет вместе с ней. Она говорит, что это только до тех пор, пока Солар не привыкнет к новому окружению, но я думаю... Я думаю, она не вернется.

— Ну что ты? Конечно же, вернется! — бодро заверила я ее, в глубине души подозревая, что Лиона, возможно, права. Отношения между родителями — по крайней мере, насколько я могла судить по рассказам Лионы — разладились окончательно, и обстановка в замке царила весьма напряженная.

На следующий день мать пришла ко мне попрощаться. Сначала мы пытались просто вести светскую беседу на тему давешнего торжества, но поскольку обе думали о другом, в разговоре то и дело возникали продолжительные паузы.

— Ты же знаешь, как бы мне хотелось забрать тебя отсюда! — в конце концов не выдержала мать. — Но я не могу...

— Знаю, — согласилась я. Да уж, вряд ли новоиспеченный супруг будет счастлив получить в нагрузку к жене кроме тещи еще и такую родственницу, как я!

Мама посмотрела на меня с плохо скрытой тревогой.

— Как ты тут без меня, справишься?

Я как можно беззаботнее пожала плечами, стараясь не казаться слишком уж

расстроенной. Незачем усложнять ей отъезд, если она все равно для себя все решила.

— Не волнуйся за меня. Пока я сижу в этих стенах, мне ничего не грозит... Кроме скуки, конечно.

В глазах матери мелькнуло какое-то странное выражение. Она ласково потрепала меня по щеке.

— Знаешь, для своих лет ты очень умная девушка. Я тобой горжусь.

Мы еще немного поболтали о разных пустяках, лишь бы только не говорить «прощай», но потом пришло время расставаться. Уже на пороге мама обернулась.

— Да, кстати, Мирра. Ты помнишь мой старый сборник заклятий, Октрион?

Я молча утвердительно кивнула. Еще бы я его не помнила, если раньше мне частенько влетало за то, что я то и дело без спросу пыталась им воспользоваться!

— Я оставляю его здесь — для тебя. Отец отдаст его тебе, когда придет время, — мать улыбнулась, глядя на меня. — Мне почему-то кажется, что однажды он тебе пригодится.

И с этими словами она ушла. А я вдруг испугалась. Мне на мгновение показалось, что я больше никогда ее не увижу.

С тех пор прошло два года.

Дни текли, один за другим, серые, монотонные, похожие друг на друга, словно песчинки в песочных часах. Я пыталась развлечь себя, как могла: читала, вышивала, пела, и даже... вязала! Одно время, отчаявшись хоть чем-то скрасить свое существование, я даже пыталась сознательно впасть в летаргический сон, однако у меня ничего не вышло.

А потом по деревням прокатился мор, и часть коров передохла. В народе прокатился слух, будто королевская дочка-умертвий по ночам, хлопая крыльями, аки нетопырь, летает над селениями и до смерти пугает скотину. Не долго думая, Владыка приказал заколотить окна башни деревянными щитами. Теперь солнечный свет попадал внутрь только через узкие щелки между досками. Комната погрузилась в вечный сумрак. Время от времени туда же пыталось улизнуть и мое сознание. Иногда мне казалось, что у меня начинаются галлюцинации — сквозь каменные стены башни я видела долину Элдар, зеленые холмы, закатное небо, переливающееся всеми цветами радуги, парящих над долиной птиц, крохотные фигурки людей вдалеке.

Вскоре я забросила делать прически и наряжаться в платья, и почти все время ходила в пижаме. Какая разница, если меня никто не видит? Лиона, видя это, укоризненно качала головой, но я лишь вяло отмахивалась от нее. Какое-то время я еще надеялась, что мне в конце концов позволят покинуть башню, но отец не спешил с подобным разрешением.

Вплоть до сегодняшнего дня.

* * *

Я еще немного постояла у окна, удивляясь ясному погожему дню после ночного ненастья, а потом вспомнила, что в моем распоряжении всего три часа — вернее, уже меньше. Надо бы действительно привести себя в порядок.

На кровати, к своему удивлению, я обнаружила аккуратно разложенное белое шелковое платье, расшитое серебряным бисером, причем, явно моего размера. Похоже, к сегодняшнему мероприятию отец готовился заранее. Что-то здесь нечисто, подозрительно подумала я. И

откуда он мог знать, что я соглашусь ему помогать? Хотя тут-то, как раз, все понятно. Он прекрасно понимал, что я воспользуюсь любой возможностью, чтобы хоть на время сменить обстановку.

Я выглянула в коридор и нашла взглядом кузнеца.

— Эй, ты... Можешь организовать мне горячую ванну прямо сейчас?

Кузнец понятиливо ухмыльнулся:

— Не вопрос! — и сразу ушел.

Я вернулась в комнату.

Минут через десять дверь отворилась — и в комнату, один за другим, стали входить хмурые и недовольные слуги с ведрами воды, от которой валил пар. Позади шел кузнец, подгоняя самых нерасторопных тычками и затрещинами. На плече, без видимых усилий, он нес здоровенную деревянную лохань. Да, парень честно старается отработать свои сто золотых, с иронией подумала я. Прислуга приготовила мне ванну и сразу же испарилась. А вот кузнец задержался.

— Спинку потереть не надо?

Не утруждаясь ответом, я выразительно посмотрела на него поверх пара, поднимающегося над лоханью.

— Ладно, понял, не дурак! — Совершенно не расстроившись, он потопал к выходу.

Уже в дверях я окликнула его.

— Эй! Кузнец!

Он остановился.

— А как звать-то тебя?

— Да как все зовут, — добродушно ухмыльнулся детина с порога. — Йаном.

— Йан... — повторила я, глядя, как за ним закрывается дверь. — Я запомню.

Четверть часа спустя — когда я, расслабившись, лежала в ванной — дверь за моей спиной снова тихонько скрипнула. Не открывая глаз, я сказала:

— Проваливай, Йан... Я же сказала — помощь мне не нужна.

— Ого, уже Йан? Быстро вы поладили! — звонкий от смеха девичий голосок мгновенно вырвал меня из дремы. — Это тот верзила, что слоняется у тебя перед дверью?

— Он самый, — я приветливо улыбнулась сестре и начала неторопливо намыливать мочалку. — Услужливый парень, ничего не скажешь... Привет, милая.

Лиона осторожно присела на край лохани, все еще продолжая улыбаться.

— И тебе привет, сестренка! Я и не знала до последней минуты, что тебя выпустили из клетки, — и она с забавным изумлением вскинула брови.

— Это не надолго. Отцу что-то от меня понадобилось.

— Да я так и поняла... — она рассеянно покачала ногой. — Интересно, что ему нужно? Минут десять назад он вызвал меня к себе, сказал, что ты в своей старой комнате, и попросил помочь тебе переодеться.

— Да, — я кивнула на платье. — Ты это видела?

Лиона подошла к кровати и критически оглядела обновку.

— Так-так... — многозначительно протянула она. — Теперь понятно, почему у нашей портнихи сегодня глаза красные — небось, всю ночь дошивала, торопилась. Интересно, с какой стати отец решил тебя приодеть?

И она задумчиво прищурилась. Однако тут же снова распахнула глаза, осененная какой-

то догадкой.

— Мирра!.. Может, он тебе жениха подыскал?!

Я выронила мочалку, но потом, опомнившись, выловила ее обратно и как можно небрежнее фыркнула.

— С ума сошла?! Кому такая жена нужна?

Сестра пожала плечами.

— Ну мало ли... Например тому, кому забыли рассказать о некоторых ее... особенностях. Тем более, что ты уже вполне научилась себя контролировать.

Я обеспокоенно нахмурилась. Это звучало достаточно реалистично.

— Что-то я не припомню, чтобы говорила об этом отцу... А ты?

Лиона отрицательно покачала головой.

— Вот и славно... — У меня вырвался вздох облегчения. — Нет, думаю, тут дело в другом. Отец говорил о каких-то иностранных гостях. О деле, требующем моего участия... Хотя, что это за дело, ума не приложу. Отец на дипломатии медведя съел, а я в этом совершенно ничего не смыслю.

— А может, на этот раз и не нужно тонких дипломатических решений? — Лиона лукаво улыбнулась. — Если это, к примеру, соседи с территориальными претензиями, то возможно, лучшим выходом будет, как раз, продемонстрировать им королевские клыки и когти? В буквальном смысле. Чтобы они раз и навсегда отстали.

— Думаешь, отец хочет кого-то припугнуть с моей помощью?

Такая версия показалась мне правдоподобной.

— Я просто строю догадки, — Лиона пожала плечами. — Кто знает, как обстоят дела на самом деле?

Глава 3. Сделка

Войдя через два часа в тронный зал, залитый ярким солнечным светом, я на мгновение сощурилась. Потом глаза привыкли и стали различать отдельные детали интерьера: стены задрапированные синим бархатом, богато расшитые гобелены в простенках между высокими стрельчатыми окнами, и стоящий на возвышении у дальней стены старинный, потускневший от времени трон. На троне я отца не обнаружила, зато он нашелся в дальнем углу зала — у окна, наполовину скрытого тяжелой бархатной портьерой. Вид у него был задумчивый и не слишком жизнерадостный.

Заслышав мои шаги, Владыка обернулся — и, оглядев меня с ног до головы, украшенной замысловатой прической в исполнении Лионы, одобрительно кивнул.

— Хорошо. Ты вовремя.

— А где все? — я оглянулась. Как ни странно, кроме нас, в зале больше никого не было.

— Скоро придут, — невозмутимо ответил отец. И направился к трону.

Вообще-то я имела в виду отсутствие целой кучи людей, которые, как я помнила, обычно присутствовали на всех официальных приемах, но переспрашивать не стала. В конце концов, он — Владыка, ему лучше знать, кому какой прием оказывать. Отец, между тем, неспешно поднялся по ступенькам и занял привычное место на троне. Я устроилась на ступенях немного ниже. Общих тем для разговоров у нас не было, поэтому каждый коротал время, думая о своем.

Потом вдруг отец еле слышно произнес одними губами:

— Вот они!.. — и царственно выпрямился на троне.

Я поднялась со ступеней.

В дверях показалась группа из трех человек. Один шел впереди, двое других — чуть приотстав. Одеты были неброско, в обычную дорожную одежду, на головах красовались широкополые шляпы, по большей части затеняющие лица. Подойдя ближе, послы обнажили головы и учтиво поклонились.

Мать моя, эльфийка! Не удержавшись, я приглушенно ахнула. Высокий седовласый мужчина, шедший впереди — видимо, главный среди них — тут же бросил на меня цепкий внимательный взгляд из-под ресниц. Я поспешно взяла себя в руки и отвела глаза.

Дарги! Вот уж кого никак не ожидала увидеть в Элдаре! Неудивительно, что Владыке потребовалось для спокойствия мое присутствие — сам-то он вообще на дух не переносит инокровных. Дарги же, будучи представителями одной из Старших рас, имели к тому же не слишком хорошую репутацию, что было неудивительно при некоторых их... биологических особенностях. Говоря простым человеческим языком — дарги были самыми настоящими *оборотнями*.

Я заметила, что седовласый снова внимательно смотрит на меня. Наши взгляды на мгновение встретились, он отвел глаза, а я сделала вид, будто у меня расстегнулась пуговка на манжете и принялась сосредоточенно изучать собственный рукав. Выглядело это, наверное, немного малодушно с моей стороны, однако этот незнакомец неожиданно вызвал во мне какое-то совершенно непонятное беспокойство, как ни странно, не связанное с обычным страхом. Дарг между тем спокойно отвернулся и заговорил с моим отцом, и его низкий звучный голос эхом раскатился по пустому залу. В смысл слов я не вникала. Политические вопросы никогда не заботили меня настолько, чтобы проявить к ним хоть

малейший интерес — ну а если бы вдруг понадобилось мое участие, уверена, отец дал бы мне знать. Пока оборотни обменивались приветствиями с Владыкой, я украдкой снова принялась разглядывать их. Все трое были высокие, статные и худошавые, так и подмывало сказать, поджарые как волки. Над темными бровями — остроконечная линия роста волос, мысом спускающаяся почти до середины высокого лба. Волосы зачесаны назад, открывая заметно заостренные уши... У них ведь еще и клыки должны быть? Я с трудом отвела взгляд от губ что-то говорящего в этот момент седовласого оборотня, подавив желание заглянуть туда повнимательней. Ох, Мирра, взрослая ведь уже девочка...

В остальном же это были вполне обычные, серьезные, спокойные лица. В шляпах их, пожалуй, вообще нельзя было отличить от людей. Зато без шляп невозможно было с людьми спутать.

Те скудные сведения, которые были известны мне о даргах — почерпнутые, главным образом, из старых книг, а кое-где и просто из разговоров, — были весьма немногочисленны и порой даже противоречивы. Известно было, что владения их находятся в местности, граничащей с восточным рубежом Палесмианской Империи, и на официальных имперских картах обозначенной не иначе, как Проклятые Земли. Молва же твердила, что простым смертным в эти земли хода нет, потому как расположены они по ту сторону Темных Врат, прямо неподалеку от Огненной Бездны. Так же молва сообщала, будто живут они не в городах и деревнях, а в глубоких гниющих ущельях, в смрадных пещерах и в других местах, столь же мало пригодных для обитания. Однако учебники утверждали, что подобно другим цивилизованным расам, у даргов были налажены довольно обширные торговые и дипломатические связи, что давало повод предположить, что место их обитания находится все-таки где-то в нашей системе координат. Хотя добраться туда, похоже, и впрямь было трудно. Кроме того, утверждала народная молва, представители этой расы имели целую кучу всевозможных мрачных, зловещих и совершенно невероятных обрядов, так или иначе связанных с полнолунием, и почитали юных девственниц отнюдь не в качестве оплота добродетели, а исключительно в качестве изысканного деликатеса. Справедливости ради следует заметить, что в книгах никогда ни о чем подобном не упоминалось. Тем не менее, записной оптимисткой я никогда не была, считала, что дыма без огня не бывает, а потому на гостей поглядывала с изрядной долей здорового недоверия.

Мое внимание снова сосредоточилось на стоящем впереди оборотне, который ранее смотрел на меня с таким интересом — надеюсь, не гастрономическим. Видимо, он был здесь за главного. Сейчас, разглядывая его вблизи, я вдруг с удивлением поняла, что невероятно ошиблась. Введший меня в заблуждение необычный цвет его волос никак не мог быть сединой. Слишком молодым для этого было лицо, которое эти волосы обрамляли. В конце концов, поразмыслив, я решила, что оборотню не больше двадцати пяти — ну максимум двадцати шести лет. Отвлекаясь на время от этого самого лица, я снова принялась рассматривать его шевелюру. Волосы гладкие, густые, шелковистые, дымчато-серые с серебристой искрой, словно сизый дым над пепелищем. Такой цвет точно не встретишь у людей. Под стать волосам были и глаза дарга — мой взгляд снова вернулся к его лицу — глубокие, серебристо-серые, под темными вразлет иронично изогнутыми бровями.

Я все еще рассеянно изучала внешность дарга, когда неожиданно поймала себя на мысли, что никогда прежде не встречала у людей столь классически правильных и при этом столь выразительных черт лица. В свои шестнадцать лет, еще до заточения, я уже начинала понемногу выходить в свет и несколько раз сопровождала отца в различных

дипломатических поездках. Там, на приемах, я повидала немало молодых дворян, так что мне определенно было с чем сравнить. Казалось, природа немало потрудились, создавая это лицо таким совершенным и при этом напрочь лишенным обычной скульптурно-мраморной холодности, так часто присущей красивым лицам. Это было довольно странно, если принять во внимание, кем был обладатель этого ангельского лика. Размышляя подобным образом, я рассматривала оборотня с холодным интересом исследователя — без малейшего смущения или волнения, какого можно было бы ожидать от девятнадцатилетней девушки при виде молодого и красивого мужчины.

Потом я переключила свое внимание на других даргов. Его спутники, как я заметила, не могли похвастать столь же необычной серебристой мастью — у одного волосы были светло-русые, у второго, пониже ростом, с заметной рыжиной. Старшему из оборотней, русоволосому, на вид было около тридцати-тридцати пяти, а младшему, рыжему, наверное, не было и двадцати. Оба дарга тоже казались внешне достаточно привлекательными, каждый на свой лад.

Да, Мирра, долгое затворничество не идет тебе на пользу, мрачно подытожила я. За неимением подходящей человеческой компании тебе уже и оборотни симпатичными кажутся. Плохой признак...

— Итак, к делу, — произнес в этот момент Владыка. — Это и есть моя дочь, Мирраэль.

Взгляды всех присутствующих разом обратились ко мне. Поборов удивление от столь неожиданного интереса к моей персоне, я торопливо придала лицу выражение вежливого внимания. Сереброволосый оборотень, глядя на меня, коротко склонил голову в знак приветствия. Двое его спутников сделали то же самое.

— Мирраэль Дэйнива Элдарская? — У даргианского посла оказался на редкость приятный, низкий, бархатистый голос, проникающий, казалось, прямо в душу. Я почувствовала, как при звуках этого голоса по спине у меня словно поползли мурашки, и медленно кивнула, удивленно приподняв брови. То, что он знал мое полное имя — и надо заметить, крайне редко используемое в быту — было немного странно, учитывая, что отец в разговоре (в этом я была совершенно уверена) ни разу его не упоминал. Оборотень, между тем, с интересом разглядывал мое лицо, слегка прикрыв ресницами внимательные серебристо-серые глаза. Словно мы с ним вдруг поменялись ролями, и теперь уже он изучал меня. У меня тут же возникло настойчивое желание немедленно отвлечь его от этого занятия.

— Чем могу быть полезна? — вежливо, но настойчиво осведомилась я, желая заставить его оторваться от задумчивого изучения моего лица.

Сереброволосый неожиданно доброжелательно улыбнулся.

— Ваше высочество, мы здесь, чтобы сопровождать вас в Сорбронн... — Его глаза по-прежнему продолжали наблюдать за мной, и теперь, видя мое удивление, задумчиво сузились. — Полагаю, вам об этом известно?

— Прошу прощения? — Мои брови удивленно поползли вверх. Нет, наверное, я просто ослышалась!

— Мы прибыли сюда, чтобы предложить вам должность придворного мага в долине Сорбронн, — так же спокойно ответил он. — Вы ведь чародейка, насколько нам известно?

Голос дарга по-прежнему звучал довольно странно. Глубокий, выразительный, с едва заметными низкими вибрирующими модуляциями, он, казалось, вкрадчивым золотистым туманом обволакивал мое сознание. Я тряхнула головой, решительно отгоняя странное

гипнотическое наваждение.

— Да, пожалуй... В некоторой степени.

— Мы надеялись, что ваш батюшка заранее предупредит вас о нашем визите, — мягко продолжал оборотень, все еще обращаясь исключительно ко мне и не выказывая никакого недовольствия в сторону Владыки. — Чтобы у вас была возможность подготовиться и собраться. Но, раз это не так, теперь вам придется поторопиться. К сожалению, мы немного ограничены во времени.

Я, наконец, полностью пришла в себя — и ошарашено уставилась на него как на сумасшедшего. Должность? Мне?!

Было легко усомниться в здравом уме монарха, который отправляет своих подданных за тридевять земель, чтобы пригласить на должность чародейку-недоучку, являющуюся отпрыском другого правителя. Он что думает, мне больше всех на континенте нужна работа на жаловании? Или в Коббе-Ренвине сейчас настолько плохо с магами, что они решили «по сусекам поскрести»?

— Боюсь, здесь какая-то ошибка... — я медленно покачала головой, давая понять, что это и есть мой ответ на «заманчивое» предложение.

Даргианский посланник, однако, не обратил на мой жест никакого внимания, продолжая смотреть спокойно и выжидательно. Словно был абсолютно уверен, что я сейчас же пойду собираться. Некоторое время мы молча и неподвижно смотрели друг на друга, словно состязаясь в какой-то нелепой безмолвной дуэли — и тут внезапно меня осенило. Я медленно, словно во сне, повернулась к отцу. Не дрогнув ни единым мускулом на лице, тот твердо встретил мой взгляд. Я впиалась взглядом в его лицо, с ужасом читая на нем подтверждение собственной догадки и сознавая, что вынесенный мне приговор обжалованию не подлежит. По-прежнему не отрывая взгляда от моего лица, отец молча склонил голову в едва заметном кивке.

Вот оно что! Оказывается, мой драгоценный батюшка уже обо всем договорился за моей спиной, радуясь, что появилась, наконец, чудесная возможность сбить меня с рук — и подальше. Вот к чему был весь этот спектакль с выходом из башни. Все было решено заранее! Возражать и сопротивляться теперь попросту не имело смысла — этим можно было добиться лишь того, что из замка меня увезут связанной и упакованной, словно овцу на ярмарку.

Я неожиданно вздрогнула, будто от холода. Человек, сидящий передо мной на троне, показался мне вдруг совершенно чужим и незнакомым. Ощущение было настолько острым, что меня даже охватила дрожь. А я-то, дурочка, надеялась, что он со временем успокоится и снова станет нормально ко мне относиться. Какая наивность!.. Под моим взглядом отец немного изменился в лице. Я чувствовала, как волна обиды и гнева поднимается во мне, раскаленной лавой растекаясь по нервам и заставляя руки покрываться гусиной кожей. В моей голове одновременно проносились десятки яростных обвинений в его адрес, но еще больше в этот момент мне захотелось просто испепелить его на месте. Кончики пальцев уже начинало ощутимо покалывать, и мне казалось, еще минута — и гнев попросту захлестнет меня с головой. Нет, только не трансформация... Только не сейчас!..

Это немного остудило мою ярость. Краем глаза я заметила, что оборотень по-прежнему пристально и немного напряженно наблюдает за мной. Нет уж, истерики он от меня не дожидается! С огромным трудом мне удалось отвернуться от Владыки и усилием воли взять себя в руки. Гнев постепенно утихал, утихал, пока не исчез совсем, оставив после себя

только тупую ноющую боль где-то в области груди. Не знаю, сколько времени прошло, пока я смогла, наконец, справиться со своим лицом и дыханием, после чего медленно повернулась к остальным. Обратни по-прежнему терпеливо ожидали моего ответа — пусть и чисто формального — однако теперь в их взглядах, казалось, читалось некоторое сочувствие. Подобное проявление непрощенной жалости вызвало у меня сейчас только новый приступ раздражения.

Я упрямо отвела глаза и сухо спросила у их главаря:

— И когда же вы планируете свое возвращение?

— Как можно скорее, — мягко, но решительно отозвался тот. — В идеале, прямо сейчас... — однако, увидев выражение моего лица, после секундного раздумья добавил. — Хотя, если вам так будет удобнее, мы можем задержаться до утра.

Всего лишь до утра! После целой жизни, проведенной в этих стенах у меня вдруг оказалось в запасе только несколько часов от заката до рассвета... В этом была, пожалуй, какая-то горькая ирония.

— Сделайте милость, задержитесь, — довольно холодно попросила я. Тон мой был весьма далек от просящего, однако мне и так с трудом удавалось сдерживаться. Казалось, вся злость и гнев, накопившиеся во мне за годы заточения, сейчас вырвутся наружу, словно пробудившийся вулкан.

Сереброволосый спокойно кивнул в ответ, словно и не заметив моей неучтивости.

— Надеюсь, мы не злоупотребим вашим гостеприимством? — обернулся он к Владыке.

— Нисколько, — спокойно отозвался тот.

Судя по тому, как легко это было сказано, Владыка ожидал, что я захочу задержаться еще как минимум на неделю. А тут такой подарок! При этой мысли я с трудом сдержала истерический смешок. Нервы мои, похоже, были на пределе.

— В таком случае, господа, до завтра.

Не глядя более ни на кого, я торопливо направилась к выходу. Однако уже в дверях неожиданно кое о чем вспомнила.

— Минуточку! — резко остановившись, я развернулась, скрещивая руки на груди.

— Что такое? — даргианский посол вопросительно вскинул брови, оборачиваясь ко мне, однако не был удостоен даже взглядом с моей стороны.

— Я хочу, чтобы мне вернули одну вещь, которая мне принадлежит, — я пристально смотрела на Владыку. — Без нее я никуда не поеду.

— Какую вещь? — отец недоуменно нахмурил брови.

— Октрион.

— Нет! — отрезал Владыка, решительно откидываясь на спинку трона. Его взгляд, обращенный ко мне сейчас, сразу понизил температуру в зале на несколько градусов.

И без того достаточно взвинченная, я едва не задохнулась от возмущения. Мало того, что эта книга была весьма ценна сама по себе — она, к тому же, была прощальным подарком матери. От этого ее ценность для меня возрастала еще больше. Я бы ни за что не оставила ее здесь — и уж тем более *ему*! Я уставилась на Владыку, точно разгневанный василиск. Если бы взглядом можно было прожечь насквозь, от трона давно не осталось бы даже ножек.

— Что ж, в таком случае я никуда не еду!

Владыка холодно взглянул на меня.

— Даже не надейся. Ты связана договором и не сможешь теперь отказаться.

— Я ни с кем ни о чем не договаривалась!

— Это не имеет значения!

— Не для меня... — процедила я сквозь зубы.

Отец проигнорировал мою реплику, сделав вид, что меня здесь уже нет.

— Отдай Октрион! — упрямо повторила я.

— Я сказал — нет.

Один из пришельцев — тот, что с рыжиной в волосах — ткнул украдкой другого локтем в бок и едва заметно ухмыльнулся. Похоже, то, что официальный прием плавно превращался в семейную свару, казалось ему забавным. Сереброволосый дарг вежливо кашлянул, вклиниваясь в наш разговор.

— Простите великодушно, но Октрион — это?..

— Старинный эльфийский сборник заклинаний, — коротко пояснила я, все еще пытаюсь прожечь взглядом дыру в отцовском лбу. — Он принадлежал моей матери, и она оставила его мне в наследство. Без него я никуда не поеду.

— Если я правильно понял, — задумчиво сказал оборотень. — То этот Октрион, в некотором роде, является для чародейки рабочим инвентарем, так?

— Именно! — отчеканила я, не сводя глаз с отца. — И если уж кому-то так не терпится избавиться от всякой магической бесовщины в доме, так почему бы тогда не отдать все разом?!

— Не позволяйте ей колдовать! — неожиданно с напором обратился Владыка к старшему оборотню. — Она разнесет в клочки весь ваш Сорбронн и себя заодно! Сами же знаете... — он резко осекся на полуслове, поймав странный предостерегающий взгляд, брошенный на него оборотнем.

— Это неправда! — возмутилась я в ответ, игнорируя этот обмен взглядами. О том, что брать на работу мага и запрещать ему колдовать — глупо, не стоило даже упоминать. Скорее всего, дарг и сам это прекрасно понимал. Я вдруг замолчала, озаренная идеей. Все еще держа руки скрещенными на груди, я небрежно прислонилась плечом к дверному косяку и медленно улыбнулась батюшке.

[Купить полную версию книги](#)